

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

М. Чачко

Корабельников пробился к выходу, пересек привокзальную площадь и зашагал по набережной. Он не спешил, набирался сил перед схваткой. Кто его противник! Должно быть, лихой рубака-драгун. Во всем разуверился. Э, нет! Если бы разуверился, не стал бы членом контрреволюционной организации.

Он не так прост, как кажется. С ним надо держать ухо востро. Корабельников подумал о вопросах, которые могли ему задать, о хитроумных уловках, к которым будет прибегать враг, чтобы проверить связника. И вдруг с ужасом обнаружил, что забыл походную песню дроздовцев...

Конец
БЕЛОГО
ОРДЕНА

МУЖЕСТВО

9

честь, отвага, мужество

М. ЧАЧКО

Конец БЕЛОГО ОРДЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В Л К С М
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1 9 6 8

P2
4-28

7-3-2

Глава первая

Из дому Володя Корабельников вышел после скудного завтрака полуголодным, но со счастливым чувством бодрости и здоровья.

День был уже совсем весенний. В чистой синеве неба щебетали птицы. Даже обветшалые дома и запущенные палисадники окраины, залитые яркими лучами солнца, радовали глаз. И хотя кривые переулки были еще пустынные, чувствовалось, что город после невыносимо трудной зимы ожил. С ближнего двора доносились азартные голоса мальчишек. Они играли в войну. В другом месте, на крыше дровяного сарайчика, стоял долговязый парень в рваном пиджаке и, упоенно размахивая длинным шестом с тряпкой на конце, гонял голубей.

Навстречу шли школьницы. Оживленно болтая, они гурьбой шагали посредине улицы, постукивая башмачками по булыжной мостовой. Одна из них, хрупкая бледная

девочка, оглянулась на проходившего Володю, улыбнулась ему и вприпрыжку припустилась догонять подружек.

Володя помахал ей рукой. Давно не испытывал он такого безмятежного состояния, как в это ясное утро. Самое страшное, казалось ему, уже осталось позади: голод, опасность нашествия кайзеровских дивизий на Москву, разгул бандитизма. Советская власть укреплялась...

У ворот Нарышкинской больницы юноша лицом к лицу столкнулся с Катей Коржавиной — стройной большеглазой девушкой, его давней знакомой. Пожимая ей руку, он встревоженно спросил:

— Что ты здесь делала, Катя? Что-нибудь случилось с матерью?

Девушка покачала головой.

— С мамой, слава богу, все в порядке. Заболел двоюродный брат. Вчера его привезли сюда...

— Что с ним?

— По-видимому, тиф. Врач сказал, что в тяжелой форме.

Прошли Обыденский переулок, пересекли площадь и стали подниматься вверх по Пречистенскому бульвару.

— Митя мой двоюродный брат, родственник мамы, — продолжала Катя. — У него в Москве, кроме нашей семьи, никого нет. Вчера уже довольно поздно он вдруг появился к нам. И вид у него какой-то странный. Мы с мамой очень перепугались. Чуть ли не с порога стал говорить. Бессвязно, сбивчиво, как в бреду... Я умоляла его прилечь, успокоиться. Но он меня не слушал, все твердил свое. С какой-то мания-

кальной настойчивостью! Видимо, хотел что-то мне передать. Я никак не могла уловить смысла в его фразах. Только отдельные слова... Станные какие-то: «Брянский вокзал», «Куб с кипятком», «Извольте замолчать»...

Она повернула к Володе усталое лицо и со вздохом произнесла:

— Явная бессмыслица, правда? «Извольте замолчать» особенно подчеркивал, несколько раз повторял... Мы с мамой еле-еле уложили его на диван и успокоили. Некоторое время он что-то еще сбивчиво шептал, затем совсем потерял сознание. Я побежала за врачом. Приехала карета и отвезла его в больницу. Жалко мне его...

— У него есть родители?

— Нет. Митя сирота. Учился в лицее цесаревича Николая, там и жил.

— На какие деньги? Ведь этот лицей довольно дорогое заведение...

— За учебу платил дядя — Владимир Николаевич Ягал-Плещеев. Может, слышал про него? Он человек состоятельный, довольно известный путешественник... Дядя вместе с Козловым исследовал Монголию. Перед самой войной он отправился в очередную экспедицию на Тибет — и как в воду канул. Уже четыре года не было от него никаких вестей... Митя собрался на поиски дяди, но началась революция. Все перепуталось. Жалко Митю...

На глаза у нее навернулись слезы.

— Ну что ты, Катя, все обойдется. И брат твой поправится. Для молодого парня тиф не страшен. У меня приятель переболел тифом. Тоже в тяже-

лой форме. И все обошлось благополучно, выздоровел...

Бульвар окончился. На мраморном сиденье хмурился Гоголь. Скорбная усмешка кривила его тонкое лицо. Вся площадь у памятника была запружена людьми. Здесь шла бойкая торговля, тайком, из-под полы. И кого только здесь не было: и заросшие лохматыми бородами мужики, и злые старики с аристократическими повадками, и барыни в старомодных шляпках. А больше всего шныряло пронирыливых жуликов. Одноногий солдат в лихо заломленной папахе, легко раскачивая свое могучее тело, прыгал на костылях от одной кучки людей к другой. Георгиевские кресты звенели на его широкой груди. Он кричал, беззлобно ругаясь:

— Эй, вы, тыловая шваль!

У театральной тумбы, облепленной истрепанными афишами, длинноволосый гражданин, в пенсне с черной тесемкой, вслух читал «Известия». Голос его надтреснутый, лицо язвительно сморщено. Сгрудившиеся возле него мужики и бабы вздыхали, кричали, ойкали, испуганно крестились, когда голос чтеца повышался.

Разбитная тетка, торговавшая фиалками, увязалась за Володей и Катей. С лукавой улыбкой, протягивая зажатые в руке цветы, она бойко тараторила:

— Молодой человек, а молодой человек? Купите для своей барышни букетик. Стоит пустяки, а сердцу девичьему милее станете.

Катя зарделась. Володя, чтобы скрыть смущение, стал неловко рыться в карманах, доставая деньги.

Перед входом в здание на Лубянке Володя постарался принять деловой, будничный вид.

В отделе, просматривая ворох свежих газет, сидел его сослуживец и друг Павел Устюжаев. Его смуглое лицо было, как всегда, серьезно и непроницаемо.

— Привет, Пашка, — поздоровался Корабельников.

— Здравствуй, Володя.

— Глеб Илларионович у себя?

— Нет, на коллегии.

Корабельников подошел к окну.

В центре площади, возле фонтана, прямо на мостовой сидели и полулежали человек десять крестьян-ходоков. Сняв шапки, они аппетитно жевали хлеб с салом. Мимо них неторопливо брели редкие прохожие. Со стороны Мясницкой выехала извозчицья пролетка. В ней тряслась невзрачная старушонка в бархатной жакетке и кружевной шали. Пегая лошаденка бежала ленивой трусцой, колеса вихляли, поднимая пыль, рессоры повизгивали. На спуске пролетка покатила быстрее. Володе почему-то подумалось, что старушка держит путь к Арбату. Он мысленно представил себе маршрут, по которому она проследует. Сейчас она проезжает мимо гостиницы «Метрополь», дальше Большой театр, потом грязные облупленные домишки Охотного ряда, пустой Манеж, Морозовский особняк и... Афанасьевский переулочек с двухэтажным домиком, в котором живет чудесная большеглазая девушка.

Поймав себя на этой мысли, Володя вздохнул, покачал головой. И, снова задумавшись, вдруг произнес:

— Красивая вещь фиалки...

Устюжаев медленно поднял голову. Пристально посмотрел на приятеля и спросил с легкой усмешкой:

— Что это с тобой? Какой-то ты сегодня... странный, блаженной.

Корабельников засмеялся.

— Ты угадал, — сказал он полусерьезно, полусутоливо. — У меня в самом деле настроение какое-то дурашливое. Охота, знаешь, что-то совершить необычное. Взобраться на колокольню Ивана Великого...

— За фиалками?

— Фиалки? А-а, фиалки. Ты разве не заметил, что на улицах сейчас торгуют фиалками? Весенние цветы. Но ты, кажется, на это не обращаешь внимания.

— Да, я человек сугубо прозаический, — растягивая слова, произнес Устюжаев. Он аккуратно сложил газету «Четвертый час», бросил ее на стопку других и взялся за «Новости дня». Но чтение уже не шло на ум, он только делал вид, что читает. С Володей что-то творится... Слишком хорошее настроение, болтает глупости. С ним что-то происходит...

Они хорошо знали друг друга, вместе работали, дружили.

Володя Корабельников был сыном врача, большевика-подпольщика, участника восстания на Красной Пресне. Вместе с родителями побывал он и в ссылке и в эмиграции. Жил во Франции, Швейца-

рии, Болгарии. За границей окончил учебу. Он отлично говорил на трех иностранных языках, был образован и, главное, без памяти любил Родину, Москву, с которой были связаны воспоминания его далекого детства.

В первые же дни революции Корабельниковы вернулись в Россию, поселились в Москве, на Пречистенке...

Павел Устюжаев окончил только городское четырехклассное училище и начал работать. В тринадцать лет, когда отца забрали в действующую армию, он поступил подручным слесаря на завод Гильменса.

Шла война, и рабочий день длился по двенадцати-четырнадцать часов. Возвращался Пашка после работы домой до того уставшим, что засыпал на ходу. И все же урывками, выкраивая любую свободную минуту, читал, жадно читал книгу за книгой. И наступил такой момент, когда в руки к нему попала подпольная литература...

А затем Пашка распространял на заводе большевистские листовки, стоял вместе с другими ребятами на посту во время массовок, переносил и прятал в укромных местах оружие. Был он, в сущности, еще подростком, но уже хладнокровно, обдуманно, со сметкой выполнял многие поручения подпольного комитета партии.

Октябрь Павел Устюжаев и Володя Корабельников встретили в одном красногвардейском отряде: дрались с юнкерами, засевшими в Александровском училище. Потом стычки с бандитами, бесконечные ночные дежурства, патрулирование улиц, митинги, облавы в дворянских и купеческих особнячках и мно-

гое другое, что приходилось выполнять большевикам в первые дни становления Советской власти.

В марте восемнадцатого года, после переезда Советского правительства в Москву, они оба были направлены в Чрезвычайную комиссию...

Тишина в комнате еще некоторое время ничем не нарушалась. Устюжасв по-прежнему перелистывал газетные страницы, Корабельников все еще стоял у окна.

В коридоре слышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и вошел щуплый, невысокого роста человек лет тридцати пяти — сорока, в потертом пиджаке и косоворотке с расстегнутым воротом. Это был Глеб Илларионович Якубовский — ответственный работник отдела. Поздоровавшись, он дал знак ребятам следовать за собой.

В глубине кабинета стоял громоздкий письменный стол с лампой, телефоном и стопками книг. Вдоль стен были расставлены венские стулья. Обои кое-где пообтерлись, поблекли, только в одном месте, где висела раньше большая картина, выделялось светлое квадратное пятно.

Усевшись за стол, Якубовский принялся сосредоточенно чистить мундштук. Его явно что-то удручало. Должно быть, и за мундштук он взялся, чтобы чем-то отвлечь, занять себя. Наконец он сокрушенно произнес:

— Феликс Эдмундович, идя сейчас на заседание коллегии, упал в обморок. Это, безусловно, от переутомления. Совсем себя человек не щадит...

Сердце у ребят сжалось от тревоги. И в то же время каждый из них ощутил чувство гордости. Ни-

кто из чекистов не щадит себя во имя революции. Не знают они покоя ни днем, ни ночью. Живут впроголодь. Паек все уменьшается и уменьшается. В последнее время на день дают только по осьмушке черного хлеба. Да что там паек! Нет таких бедствий, перед которыми дрогнули бы их сердца, ничего не может заставить их отступить от своих убеждений, высоких целей, ради которых они борются...

Чувство тревоги и беспокойства — Дзержинский болен! — не расслабило молодых чекистов, а как-то нравственно подтянуло их. Каждый подумал, что раз Дзержинский с подорванным здоровьем отдается делу целиком, до изнеможения, то им, молодым, крепким и выносливым, все задания нужно выполнять с удвоенной энергией, ни в чем не делать себе поблажек.

В кабинет вошел еще один сотрудник отдела — Баженов, бывший балтийский моряк. Якубовский перевел на него усталый взгляд и спросил:

— Ну как, Василий Никитич, офицеришка?

Баженов нахмурился:

— Все еще виляет.

— Ну, ничего, пусть еще немного покуражится.

Затем, обращаясь к молодым сотрудникам, он вкратце изложил им суть дела.

...Вчера в Чека был доставлен белогвардейский лазутчик. Его задержали в Наро-Фоминске. У него обнаружили наган и огромную сумму денег — что-то около полумиллиона рублей. Начальник милиции доставил его в Чека. Арестованного допросили. Он назвался Броничем, корнетом 2-го офицерского имени генерала Дроздова полка. Корнет признался, что

пробирается с Дона в Москву с поручением передать деньги представителю подпольной офицерской организации. Встреча должна была состояться на Николаевском вокзале возле буфета первого класса. Произнести пароль он должен был тогда, когда пришедший на встречу подаст условный знак: возьмется правой рукой за мочку уха.

— Вот и все, о чем рассказал корнет, — закончил Якубовский.

Устюжаев спросил:

— Почему же он сошел в Наро-Фоминске, а не доехал до Москвы?

— Утверждает, что хотел таким образом избежать проверки документов на московском вокзале, а от Наро-Фоминска решил добираться пешком... Возможно, это и так, но у меня сложилось впечатление, что дроздовец не совсем искренен в своих показаниях. Что-то он утаивает, хитрит, лукавит.

Баженов согласился:

— Обо всем, что касается положения белогвардейцев на Дону, откровенен. Но как только речь заходит о заговоре офицеров — сразу замыкается, уходит от прямых ответов. Он уверяет, что ничего не знает о подпольной организации... Врет, по-моему... Говорит не всю правду, а как бы полуправду. Хочет и шкуру свою спасти и подпольную организацию не подвести...

Баженова неожиданно прервал Корабельников:

— А попутчика у него не было? Об этом его не спросили?

Почему-то на ум пришел рассказ Кати Коржавиной о больном брате. Почему, например, заболев,

тот пришел к своим родственникам поздно вечером. Откуда прибыл? Что хотел передать Кате? Какая навязчивая мысль не давала ему покоя? И какая связь была в его словах?..

Якубовский несколько озадаченно посмотрел на Корабельникова: что он хочет сказать? Пожав плечами, Глеб Илларионович ответил:

— Этим-то, мы, конечно, интересовались. Да корнет уверяет, что ехал один. Ты, Володя, хочешь что-то сказать?

Корабельников ответил не сразу. Все же Катя имела какое-то отношение к происшествию. И хотя она для него была вне всяких подозрений, не известно, как на это посмотрят товарищи. Однако быстро, овладев собой, он поведал историю Катиного родственника.

— Вчера в Нарышкинскую больницу положили бывшего московского лицеиста Дмитрия Ягал-Плещеева. В больницу его отвезла двоюродная сестра, моя знакомая Катя Коржавина. Она рассказала, что к ним неожиданно пришел кузен. Что-то пытался сообщить... Говорил сбивчиво и путано, никто ничего не понял. С болезненной настойчивостью повторял одни и те же слова...

Все внимательно слушали рассказ Корабельникова. Якубовский спросил:

— И какие именно слова она запомнила?

— «Брянский вокзал», «Куб», «Извольте замолчать».

— Больше ничего?

— Как будто все.

— Почему Катя Коржавина посчитала нужным

сообщить тебе о своем кузене? Она что-то заподозрила неладное?

— Нет, просто так.

— Эта девушка знает, где ты работаешь?

— Этого я ей не говорил. Ей известно, что я большевик, — мы с ней о революции часто беседовали... А поделилась она со мной только потому, что очень уж была потрясена его болезнью, хотела ему чем-то помочь. Катя добрая, отзывчивая, на ложь и хитрость не способна...

— Да, что-либо подозрительное в ее поведении усмотреть трудно, — в раздумье произнес Якубовский. — Она кто, гимназистка?

— Да. Отец ее был военным инженером. Недавно умер. Живет Катя с матерью в Афанасьевском переулке. Лицейст — ее родственник по материнской линии.

Якубовский пробарабанил пальцами по столу, свернул папиросу, подошел к окну и закурил, выпуская дым в открытую форточку.

Невзрачный, щуплый Якубовский внешне казался сугубо штатским человеком. Однако ему доводилось бывать в таких переделках, какие редко выпадают на чью-либо долю. В бытность свою боевиком Якубовский выполнял предельно рискованные задания партии. Перевозил через границу оружие для боевых дружин, дрался на баррикадах, был приговорен царским судом к смертной казни, которую ему заменили пожизненной каторгой, бежал из ссылки не на запад, а на восток, колесил по Австралии, оттуда перебрался в Америку, в апреле семнадцатого года в числе первых политэмигрантов возвратился в Рос-

сию, в бурлящий Питер. В Октябрьские дни Якубовский командовал красногвардейским отрядом...

— К этому лицеисту Ягал-Плещееву следует приглядеться, — сказал Якубовский, усаживаясь на прежнее место. — Что-то странное в его поведении, конечно, есть. Да и в словах, которые он твердил, чувствуется скрытый смысл. Заметьте, и это не случайный набор слов...

— Похоже на пароль, — вставил Баженов.

— Весьма возможно, — согласился с ним Якубовский. — Надо выяснить, откуда он приехал и вообще что, он из себя представляет. Трогать его, конечно, мы сейчас не будем. Но и ждать его выздоровления — дело долгое... Придется искать окольные пути. Навести о нем кое-какие справки по месту жительства, в лицее, где он учился... В лицей, я думаю, наведается сам Корабельников. Ты как, Володя?

— Готов.

Баженов посоветовал:

— Следовало бы осмотреть одежду этого лицеиста.

Якубовский одобрительно закивал головой.

— Резонно. В больницу пошлем Устюжаева... Ты там будь внимательнее!

Пашка молча кивнул русой головой. Лицо его оставалось бесстрастным, правда, чуточку ярче загорелись карие глаза.

— Дадим тебе справку-санитарного инспектора, — продолжал Якубовский. — И уже на месте, когда будешь проверять, как хранится одежда тифозных, сообразишь, как лучше осмотреть вещи этого юнца.

Самым тщательным образом прощупай каждый шов, каждую пуговку, каждую строподочку...

— Я понимаю, — отозвался Устюжасев.

— Да, и еще: займись одеждой в том случае, если она прошла дезинфекцию. Кто его знает, как там, в Нарышкинской больнице, соблюдают правила санитарной гигиены.

3

На нижних ступеньках пожарной лестницы приставилась стайка мальчишек. С видом заговорщиков они что-то горячо обсуждали. Корабельнику не трудно было завязать с ними непринужденный дружеский разговор. От ребят он узнал, что лицей давно закрыт. Сейчас в этом здании обыкновенная трудовая школа. Занятия сегодня уже кончились. Из старых служащих в здании лицея живет бывший гвейцар Анисим Хрисанфович Кандыба.

...Массивные сводчатые двери школы открыл грендерского роста старикан в опрятной куртке и в грубых сапогах, начищенных до блеска. Жесткие голубые глаза из-под нависших густых бровей смотрели неприязненно.

— Что нужно?

Корабельников учтиво поздоровался:

— Здравствуйте, Анисим Хрисанфович. Можно к вам зайти? Мне нужно кое о чем с вами поговорить. Времени отниму немного...

Старик так и впился в лицо парня, стараясь уяснить себе, кто перед ним. Про себя подумал —

наверное, кто-то из бывших лицейстов, но кто именно, вспомнить так и не смог, память стала слаба. Погладил коротко подстриженные, тронутые сединой усы, молодцевато расправил плечи, почтительно произнес:

— Милости просим.

По сумрачному прохладному вестибюлю прошли в швейцарскую. В узкой, освещенной единственным окном комнатке стояла железная кровать, застеленная лоскутным одеялом, комод, стол с клеенкой, две табуретки. Кроме икон в углу, на стенах висели две-три картинки из журналов.

«По-видимому, швейцар из отставных фельдфебелей, — подумал Володя, усаживаясь на услужливо подставленную хозяином табуретку. — Бобыль жил чинно, нелюдимо, в вечном подчинении, страхе за свое место. Извивался перед каждым чиновником с кокардой, лебезил перед богатыми лицейстами, за подачку готов был всячески услужить. А как сейчас? Чем живет? Неужели недоволен переменами? Уж очень неулыбчивый, угрюмый у него вид. Интересно, что он мне скажет?»

Старик, прикрыв ладонью рот, осторожно кашлянул, как бы напоминая о себе.

Корабельников встрепенулся. Что это с ним в самом деле! Сюда привело его не любопытство, не желание узнать, как жил и чем сейчас занимается бывший лицейский швейцар.

— Меня к вам, Анисим Хрисанфович, привело вот какое дело, — начал Корабельников с застенчивой улыбкой. — Я потерял одного своего знакомого, товарища, можно сказать... Он тут у вас в лицее учил-

ся. Фамилия его Ягал-Плещеев. Может быть, вам случайно известно, где он сейчас?

— Это кто же такой, — потер лоб старик. — Много у нас лицестов училось, разве всех упомнишь. Да их я больше по именам знал. А какой он из себя, ваш товарищ? На вид какой?

— Как вам его обрисовать, — в раздумье произнес Корабельников и поднял глаза к потолку. — Зовут его Митей, дядя у него известный путешественник...

— Так бы сразу и сказали, — обрадовался старик. — Как же, как же, знаю его преотлично. Митенька... Он же на моих глазах вырос. Сколько раз бывало, за него душой болел, когда его в карцер сажали.

— А за что сажали?

— За всякое. За шалости, неповиновение, нарушение установленных порядков. Он, Митенька, проказливый был, баловник. Раз, помню, живую лягушку в класс приволок... С годами утихомирился, конечно. Возмужал, стал серьезным. Когда царя Николая с престола скинули, сиял, как новенький рубль. Первый в лицее красный бант нацепил, вскочил на парту и речи произносил...

— Да, он такой, увлекающийся. А в последний раз когда его видели?

— Дай бог памяти... Когда же это было? Должно быть, глубокой осенью, когда большевики взяли верх в Москве, свои порядки стали устанавливать. Занятия у нас, само собой, прекратились. Да и какое может быть занятие при таких порядках. В классах холодно, топить нечем. Лицейсты — кто куда. Препод-

даватели по домам отсиживаются. Ждут, кто кого одолеет, чья возьмет. А мне ж куда деться? Неотлучно тут нахожусь, имущество охраняю. Да как-то раз утром забрел ко мне Митенька. О том, о сем поговорили. Он у меня спрашивает, где его приятели-друзки, кто куда подался. Ну, о ком что знал, все ему порассказал. Александра Туркеля слышал, мол, арестовали. Олег Хлунов на Дон махнул, Борис Румель на Украину подался. А вы, Митенька, спрашиваю, как жизнь свою устраивать намерены? Не знаю, отвечает, еще не решил. Гибнет, говорит, Россия, все устои разлетаются вдребезги. А мы, как муравьи из развороченной кучи, ошалели и не знаем, в какую сторону податься.

— Что же с ним стало? Куда он делся?

— Не могу, любезный, сказать. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Может, где и голову сложил. Время сейчас какое; буйное, бессердечное...

Да, видимо, швейцар не лгал и рассказал все, что знал о бывшем лицеисте Дмитрие Ягал-Плещееве.

4

Вылазка Устюжаева в больницу была более успешной. После тщательного осмотра он, наконец, обнаружил в одежде больного искусно зашитую в подкладке шифровку. Бумага, побывавшая в дезинфекционной камере, пожелтела и стала такой хрупкой, что, кажись, вот-вот она от малейшего ветерка, просто от дыхания, превратится в труху.

Шифровка оказалась на французском языке, ее осторожно переписали, и Корабельников, хорошо

знавший французский язык, стал переводить текст с листа.

— «Ориентация сейчас, — читал он, — существенной роли в ваших условиях не играет. Недалеко время, когда разразятся значительные события и все станет на свое место. Можно бороться за возрождение России под широким знаменем. Бывшие союзники нам, конечно, ближе. Но и немцы имеют в нашей среде много сторонников. Надо учесть, что германские дивизии стоят недалеко от Петрограда и Москвы. Это реальная сила, способная опрокинуть режим большевиков. Это сейчас главное. Если германские войска пойдут в наступление, им наверняка удастся смести разрозненные, слабые, деморализованные красноармейские части...»

— Все это беллетристика, — задумчиво проговорил Якубовский. — Дешевый ход. Принимает нас за наивных простаков. Стоило ли посылать связного с шифровкой, в которой излагаются весьма общие соображения? Вряд ли это так. Наверное, в письме имеется другой, скрытый текст, какие-нибудь зашифрованные директивы. Текст письма составлен с таким расчетом, чтобы отвести подозрения на случай, если оно попадет в чужие руки. Яснее ясного, что это так. Но без ключа расшифровать ее будет нелегко...

Помолчав, он добавил:

— Однако, как свидетельствует опыт, нет таких секретов, которые нельзя было бы раскрыть.

5

— Теперь картина прояснилась, — говорил Якубовский на другое утро. — Корнета Бронича мы

изобличили во лжи, и он, перетрусив, дал новые показания. Встреча с представителем подпольной офицерской организации должна была состояться у него не на Николаевском вокзале, а на Брянском. И не у буфета, а возле куба с кипятком. Пароль он должен был произнести в ответ на фразу собеседника: «Извольте замолчать!»

— Та же фраза, что произносил в бреду лицест Ягал-Плещеев! — в один голос воскликнули Корабельников и Устюжасв.

— Точь-в-точь. Оба они, и корнет Бронич и лицест Ягал-Плещеев, получили один и тот же пароль. Но, по-видимому, у каждого из них было свое особое задание. И ехали они не вместе, а порознь. Те, кто их посылал, рассчитывали, что кто-нибудь из них наверняка прорвется через наши заградительные посты. Но оба курьера засыпались. На свидание, следовательно, по не зависящим от них обстоятельствам, они пойти не могут. Но мы-то заинтересованы в том, чтобы это свидание состоялось. Нам оно крайне нужно...

План Якубовского заключался в том, чтобы вместо белогвардейского связника на встречу с представителем контрреволюционной подпольной организации был послан свой человек, чекист.

Для успеха задуманной операции важно было подобрать такого человека, который смог бы выдать себя за офицера или лицеста. Глеб Илларионович прикинул, что на роль лицеста у него кандидатуры имеются. Кому же поручить эту сложную задачу: Корабельникову или Устюжаеву?

От молодого чекиста потребовались бы выдержка,

сообразительность, чутье, умение быстро ориентироваться в сложной и опасной обстановке. Не исключено, что заговорщики, прежде чем допустить курьера в свою среду, будут его проверять, могут специально подстроить ловушку, западню. Такие случаи бывали не раз...

Кому же из двоих отдать предпочтение? Володя Корабельников отважен, находчив, образован, но немного горяч, тщеславен. Павел Устюжаев парень не робкого десятка, выдержан, сметлив, но несколько прямолинеен. Да и по облику, по манерам в нем заметен пролетарий. А у Корабельникова интеллигентная внешность, среду учащихся он знает хорошо, не понаслышке. И это соображение оказалось решающим.

— Мне думается вот что, — сказал Якубовский, — на роль лицеиста подойдет Володя. — Он испытующе посмотрел в глаза Корабельникову. — Ты как смотришь? Сумеешь на некоторое время стать белогвардейским связным, подменить, так сказать, заболевшего Дмитрия Ягал-Плещеева?

Корабельников ответил не сразу, задумался. Сумеет ли он стать другим, так, чтобы никто, с кем ему придется столкнуться, не почуял фальши? Все это, конечно, чертовски трудно. Такого ему еще ни разу не приходилось делать...

— Постараюсь выполнить все как следует, — сказал Корабельников. — Надеюсь, с заданием справлюсь.

— И я так думаю, — улыбнулся Якубовский. — Справишься! Главная твоя цель — проникнуть в подпольную офицерскую организацию. Узнать их за-

мысли, место хранения оружия, явки, связи — словом, все о них...

Обстоятельно, детально, стараясь не упустить ни одной мелочи, стали обсуждать, как лучше провести задуманную операцию.

Прежде всего Корабельникову следовало собрать побольше сведений о белогвардейских частях, откуда прибыл курьер. Важно было знать не только настроения белогвардейцев, но и условия их походной жизни, бытовые детали, вроде того, какие вина пьют офицеры-дроздовцы, какие папиросы курят, как развлекаются; нужно было знать характерные, жаргонные словечки, анекдоты, шутки, прозвища.

Эти сведения необходимо выудить у арестованного дроздовца. Кое-какие данные о белом движении можно почерпнуть и из других источников, имевшихся в отделе, из газет. Условились, как Корабельникову поддерживать контакт с отделом, кто будет ему помогать.

Конечно, учесть все невозможно. Враг хитер, и даже опытный сотрудник может оказаться в затруднительном положении. Правда, все непредвиденные обстоятельства хотелось свести до минимума...

Якубовский закинул руки за голову, потянулся и всей грудью вдохнул воздух. Откуда-то издали доносился запах черемухи. Якубовский хотел было сказать что-то насчет весны, но сдержался. Чувство отеческой нежности к этим молодым ребятам, в самую лучшую и неповторимую пору своей жизни всецело отдающим революции, взволновало старого закаленного большевика. Вероятно, сейчас они и весну, ее неизбывную красоту едва замечают. И вместе с тем было

как-то радостно от мысли, что на долю этих восемнадцатилетних парней выпало счастье быть в числе первых, штурмующих старый мир. Наверное, потом им будут завидовать от всего сердца...

Но тут же чувство опасности, нависшей над его воспитанником, вернуло Якубовского к действительности. И, хмурясь, чтобы скрыть охватившее его волнение, Якубовский сказал строго, даже как-то сурово:

— Вообще будь осторожен. Могут возникнуть обстоятельства, в которых тебе, Володя, придется принимать решения на собственный страх и риск. В таких случаях помни одно: своей жизнью не бросайся. Смелость проявляй разумную, будь осмотрителен, не горячись, действуй по обстановке...

Глава вторая

На Брянском вокзале было многолюдно. Все его огромные залы были битком забиты пассажирами, сутками ждущими поездов. Одни сидели на дубовых скамьях, прислонясь к узлам и корзинам, другие вповалку лежали на грязном, замусоренном полу. Переговаривались, закусывали, спали, кормили детей. Много было солдат — и здоровых и раненых; попрошайничали нищие, шныряли юркие, глазастые воришки, стоял нестройный людской гомон, детский плач. В разбитые окна задувал ветер.

Сквозь эту сутолоку Корбельников пробирался к тому месту, где была назначена встреча. Хотя ему не раз приходилось бывать на заданиях, все же, собираясь на вокзал, он волновался, хорошо сознавая, что любой его промах может провалить всю операцию.

Между выходом на перрон и стеклянной перегородкой бывшего ресторана царила

особенная суeta. Одни теснились к выходу на платформу, другие пробирались обратно — с перрона в зал.

Возле колонны, точно кого-то ожидая, стоял человек с небритым, щетинистым лицом, одетый в солдатскую шинель. Ворот его грязной гимнастерки был сколот английской булавкой. Он курил козью ножку и хмуро озирался по сторонам. Корабельников прошел мимо колонны, возвратился назад и остановился неподалеку от человека. Ждал какого-нибудь знака, сигнала, приглашения на разговор. Стоявший у колонны тоже некоторое время присматривался к Володе, потом, криво усмехнувшись, вскинул на плечо свой вещевой мешок и ушел, затерялся в толпе.

Володя покружил на одном месте, думая, что тот, с кем ему нужно встретиться, еще вернется. Кстати, почему он так спешно удалился? Неужели его что-то спугнуло? Вот рядом с колонной остановился сутулый мужчина в черной шляпе и пенсне. Постоял с сосредоточенным, мрачным видом, шелкнул пальцами и неожиданно сорвался с места, побежал куда-то. Проходили мимо старые и молодые, смирные и разбитные, рослые и низенькие. Некоторые оглядывали Володю с ног до головы, другие проходили мимо. Время тянулось медленно, люди все шли и шли, а тот, кого ждал Володя, все не появлялся. А может, он был, да не остановился, прошмыгнул как тень.

Прождав три часа, Володя ушел с вокзала...

На другой день в условленное время Корабельников снова занял свой пост. Время от времени прохаживался, давал справки приезжим, сбегал за ки-

пятком для старухи. Томясь от безделья, прислонился к колонне, развернул газету, стал ее просматривать. И вдруг услышал:

— Что новенького пишут в газетах?

Корабельников поднял глаза. Возле него стоял статный молодой человек лет двадцати пяти, с красивым дерзким лицом и светлыми глазами. Из-под темных прядей на лбу проглядывала белая полоска тонкого сабельного шрама. Спрашивая, он слегка прищурился — не то насмешливо, не то высокомерно.

У Володи сразу забилося сердце. Ничем особым незнакомец не отличался от других, но Володя почему-то понял, что перед ним тот, кого он ждал все это время. Медленно, едва переведя дыхание, Володя ответил:

— Так, разное пишут... Вот германские войска разогнали Центральную раду в Киеве. Поставили во главе Украины гетмана Скоропадского.

— А вас, я вижу, это волнует?

— Как же, я ведь не чужой, и судьба России мне не безразлична, как и каждому русскому...

— Напрасно, — едко усмехнулся незнакомец. — Пора, милый юноша, научиться ничего близко к сердцу не принимать. Глядеть на всемирный кавардак свысока, посвистывая сквозь зубы, заложив руки в карманы. Кто познал окопы, заваленные трупами, того уж ничем не удивишь. Шагать ныне по жизни надо не оборачиваясь, на все смотреть брезгливо. Полезнее для психики. Россия...

Он не договорил, безнадежно махнул рукой. Постоял, слегка покачиваясь на носках, что-то мурлыча

под нос, искоса поглядывая по сторонам. Затем вытащил из кармана серебряный портсигар. Володя заметил на нем вмятину:

— Видно, и ваш портсигар тоже побывал в переделках?

— Угадали, — кивнул головой незнакомец и щелкнул пальцами по крышке. — Немецкая пуля. Метила в сердце, но угодила в эту штуку и смяла. Эта вещичка мне жизнь спасла...

Он помолчал, испытующе взглянул на собеседника и продолжал, легонько усмехнувшись:

— Мне за него изрядную сумму предлагали, да я не отдал. Один сослуживец очень приставал, все уговаривал продать ему портсигар. Прямо надосл... Один раз я ему даже отрезал: «Извольте замолчать, такие памятные вещи не продаются!»

Услышав «извольте замолчать», Корабельников помолчал, затем произнес пароль:

— Случайно не знаете, в какой гостинице можно снять номер?

Незнакомец, понизив голос, сразу же отозвался:

— Точно не скажу, но в «Славянском базаре» будто бы сдают.

И отрывисто добавил, едва разжимая зубы:

— Идите по набережной в сторону Воробьевых гор.

Затем он повернулся и медленно, будто задумавшись, посвистывая, исчез в толпе.

Корабельников побился к выходу, пересек при вокзальную площадь и зашагал по набережной. Он не спешил, набирался сил перед схваткой. Кто его противник? Должно быть, лихой рубака-драгун.

Во всем разуверился. Э, нет! Если бы разуверился, не стал бы членом контрреволюционной организации. Просто злой-презлой, готов всем, кто лишил его богатства и дворянских привилегий, перегрызть горло. Он не так прост, как кажется. С ним надо держать ухо востро. Корабельников думал о вопросах, которые могли ему задать, о хитроумных уловках, к которым будет прибегать враг, чтобы испытать, проверить связника. И вдруг Володя с ужасом обнаружил, что забыл походную песню дроздовцев. Ему стало не по себе. Засыпать на таком пустячном вопросе, этого еще не хватало.

Тщетно напрягал он память, мучился, искал лазейку, как избежать прямого ответа на этот вопрос, если случится, что его зададут. И строчки как-то неторопливо, сами собой, всплыли в памяти: «Мы живем среди полей и лесов дремучих, но счастливей, веселей всех вельмож могучих».

— Эй, дроздовцы! Эй, дроздовцы! — повеселев, пробормотал Володя и усмехнулся тому, что так обрадовался этой чужой песне.

Москва-река была пустыня. Ни судов, ни барж, ни лодок. Кое-где на берегу маячили одинокие фигуры рыбаков. На чистой водной глади покоились отражения легких облаков.

Пройдя с полверсты, Корабельников приостановился, будто залюбовался куполами Новодевичьего монастыря. Осторожно оглянулся. Никто не шел следом за ним, нигде ни одного пешехода. Куда же девался бслогвардеец? Должно быть, избрал другую, окольную дорогу. А возможно, следит за ним изда- лека, прячась за заборами, выступами домов. А если

сбежал, почувствовав неладное в поведении собеседника? Как бы там ни было, но надо продолжать путь.

Корабельников зашагал дальше. Миновал заезжий двор, дровяной склад, чайную. Район этот пользовался дурной славой. В свое время здесь в оврагах и под заборами ютились бродяги, нищие. Жили в землянках. Сюда, в это глухое место, заманивали пьяных прохожих, обирали их, грабили. На крики о помощи никто не отзывался. Случались и убийства. Трупы бросали в реку, и они всплывали у Красного луга или у Потылихи. До и сейчас здесь, наверное, сохранилось немало воровских притонов, потайных ночлежек.

У Корабельникова оглегло от сердца, когда он, наконец, услышал за спиной быстрые шаги. Его догонял новый знакомый.

Это был поручик Мещерский, член контрреволюционной организации «Орден мономаховцев». Состояла эта организация из офицеров бывшей императорской гвардии, люто ненавидевших новую власть и поставивших себе целью восстановление в России монархического строя.

— Заверните сюда, — приказал Мещерский, кивнув в сторону ворот покосившегося одноэтажного дома.

Спутники пересекли двор, обогнули ветхие сарайчики и через калитку вышли на пустырь. Ступили на тропинку, выющуюся в бурьяне. Она привела их к каменной ограде. В ней, скрытый кустами, виднелся узкий пролом. Первым протиснулся Мещерский, за ним Корабельников. Они оказались в обширном, заросшем лебедой дворе фабрики.

Мещерский остановился, внимательно осмотрел двор, затем небрежно поднес руку к козырьку фуражки и представился:

— Давайте знакомиться. Андрей Владимирович Петров. С кем имею честь?

— Дмитрий Ягал-Плещеев, — отрекомендовался Володя.

— Очень приятно.

Обменялись рукопожатием. Мещерский уселся на проржавевшую вагонетку без колес. Он вытащил свой «меченый» портсигар, предложил собеседнику папиросу. Некоторое время оба молча курили. Ловко пушкая колечки дыма, Мещерский с притворным спокойствием спросил:

— Оружие у вас при себе?

— Оружие? — переспросил Корабельников, сообщая, как бы ответить на этот вопрос. Сознаться, что у него есть оружие, или же утаить? Вопрос об этом обсуждался еще с Глебом Илларионовичем, когда готовились к операции. Решили, что оружие «лицеисту» надо иметь при себе, и Володя взял с собой наган, который был отобран у корнета Бронича. Но следует ли сейчас прибегать к уверткам? Не лучше ли казаться совершенно доверчивым.

— Да, у меня наган, — ответил Корабельников.

— Отдайте его мне.

Опять на какую-то долю секунды мелькнула мысль: отдавать или не отдавать? Лишиться оружия рискованно. Может быть, белогвардеец здесь не один, может быть, в запущенном здании с разбитыми окнами притаились сообщники. Они ждут момента для нападения. Конечно, с ним, безоружным, им легче бу-

дет справиться. Но офицер мог и не потребовать пистолет, а просто взять его силой.

— Возьмите, если это нужно, — не без обиды в голосе сказал Корабельников, расстегивая пояс и извлекая из-под гимнастерки наган. — Вы его совсем берете или только на время? С этим наганом я ходил на выполнение боевых заданий.

— Только на время, — с улыбкой отозвался Мещерский, принимая наган и пряча его в кармане. — Когда нужно будет — возвратим. Что вы должны мне передать?

Корабельников отвернул борт куртки, оторвал подкладку и вынул белогвардейскую шифровку — вернее, ее точную копию.

Принимая письмо, Мещерский спросил:

— Этот пакет вам вручал подполковник Рынов?

Чуть-чуть Корабельников не кивнул утвердительно, но вовремя спохватился. Ни одного слова, в котором не был он твердо убежден, не должно сорваться с его губ. Такая фамилия не фигурировала в показаниях корнета Бронича. Возможно, это элементарная ловушка, в которую он должен попасться, а возможно, и нет.

— Вручил мне шифровку подполковник, но фамилии его я не знаю, — просто ответил Корабельников. — Я ведь служу не при штабе, а в роте, рядовым.

Мещерский улыбнулся и дружески похлопал юношу по плечу, как бы давая понять, что каверзных вопросов он больше задавать не будет. Спрятав шифровку, Мещерский сказал почти фамильярно, даже с оттенком сердечности:

— Молодец, Митя. Рад, что с вами встретился. Ваши услуги не будут забыты. Россия...

На миг он запнулся, очевидно вспомнив свои недавние разглагольствования о родине и о безразличии к ее судьбе. Однако Корабельников оставался совершенно серьезным, этим самым он давал понять, что не придает вокзальному разговору никакого значения.

Мещерский прибавил, вытягиваясь и расправляя грудь:

— Россия, его высочество государь император щедро отблагодарят своих верных рыцарей. Когда будет восстановлена империя, мы, члены нашего ордена, станем ближе всех к трону...

Все это он произнес торжественно и мрачно, как одержимый. Володе на миг стало смешно. Оба некоторое время молчали. Очевидно, от своих высокопарных разглагольствований Мещерскому стало не по себе. Косясь на собеседника, он с надменной улыбкой вытащил портсигар и, открывая его, с интересом спросил:

— Ну, как там у вас, на Дону? Как воюете? Вы где, Митя, служили?

— Во втором имени генерала Дроздова полку. В нашем взводе на положении рядовых очень много офицеров.

— Да? Кто же? Может, среди них есть мои сослуживцы.

— Вполне вероятно. Есть у нас Верне, Глама-Богдановский. Ознобишин...

— Васька Ознобишин?!

— Нет, Олег. Василий Ознобишин, кажется, его двоюродный брат. Олег Ознобишин как-то говорил,

что его брат Василий был командиром Золотой роты. Он очень гордился им...

— Еще бы! — вскинул подбородок Мещерский. — Митя, вы знаете, что такое Золотая рота? Эта рота несла службу в Зимнем дворце, в императорских покоях. Вы кем были раньше, кадетом?

— Лицеист московского лицея имени цесаревича Николая.

— А-а, вот оно что! Я чувствовал, что вы не вполне военный. Родители в Москве?

— Умерли давно. Воспитывался на средства дяди Владимира Николаевича Ягал-Плещеева.

— Когда прибыли в Москву?

— Позавчера, в среду.

— Где поселились?

— На Большой Полянке, в доме номер семь.

Это был точный адрес: в целях конспирации Корабельников снял комнату у вдовы чиновника. Мещерский кивнул головой, задумался. Взглянув на часы, он проговорил:

— Однако нам пора расставаться.

— Чем мне в Москве заниматься? — спросил Володя.

Мещерский усмехнулся.

— Пока ничем. Отдыхайте. На улице старайтесь быть поменьше, можно нарваться на облаву. Ждите распоряжений. По всей вероятности, вы скоро понадобитесь.

Он вынул визитную карточку, разорвал ее по диагонали: одну половинку спрятал, а другую протянул Корабельникову.

— Это вам, — сказал Мещерский. — Человеку,

который покажет вторую половину этой карточки, вы обязаны повиноваться беспрекословно. Дисциплина у нас строжайшая. Нарушение тайны организации, отступничество, измена караются смертью. Вы поняли меня?

— Да, да, я понимаю...

— Вот пока и все, — сказал Мещерский, дружелюбно протягивая руку. — Всего вам хорошего! До скорой встречи.

На языке у Корабельникова вертелся вопрос: «Когда ко мне придут?» Но он, понятно, смолчал. Любой вопрос может насторожить противника, в лучшем случае, вызовет неудовольствие. А стоит хоть на миг возникнуть маленькому облачку, как доверие будет поколеблено. Корабельников поклонился, прощаясь, и подал руку офицеру.

— До свидания, Андрей Владимирович.

Они расстались. Корабельников направился к набережной, а Мещерский остался на месте. По-видимому, он знал другой, ему одному известный маршрут.

Смеркалось... Приглушенно доносился церковный звон. На пустыре подростки играли в лапту. На лавочке у забора сидел лохматый дядька, качал мальчонку на носке вытянутой ноги. Время от времени он высоко подкидывал маленького седока. Ребенок испуганно вскрикивал, валился то на один, то на другой бок, но цепко держался ручонками и заливался счастливым смехом.

Как ни был Корабельников занят своими мыслями, он невольно улыбнулся, глядя на эту мирную сцену.

Всечером Баженов, Корабельников и Устюжаев по одному пришли к Якубовскому домой.

— Он назвался Петровым, — рассказывал Корабельников о своей встрече с белогвардейцем. — В нем действительно чувствуется офицер из привилегированной гвардейской части. Возможно, он семеновец. Ярый монархист, о царе говорил с восторженной преданностью... Лет ему двадцать пять, двадцать шесть. Хлыщеват, не глуп, осторожен, хитер. О своей организации ничего не сообщил, своего адреса не назвал. Дал мне вот эту половинку визитной карточки и велел дожидаться гостя. Тому, кто мне покажет вторую половинку, должен беспрекословно подчиниться. Велел сидеть дома и ждать. Во мне не усомнился, принял за своего. Так мне кажется.... Не совсем понимаю, для чего он отобрал у меня наган.

— Думаю, что главным образом для того, чтобы на всякий случай обезопасить себя, — сказал Якубовский. — А возможно, чтобы проверить номер оружия. Вовсе не исключено, что номера оружия служат у них своеобразным дополнительным паролем. Хорошо, что у тебя был наган «нашего» корнета.

Поправив фитиль в лампе, Глеб Илларионович повернулся к Устюжаеву:

— А у тебя как сложились дела?

— Как будто неплохо, — доложил Устюжаев. — Наблюдательный пункт на вокзале выбрал удачный. Все видел, что вокруг Володи творилось. Белогвардейца рассмотрел отлично. Володя его описал точно, повторять не стоит. Офицер был один, без сообщни-

ков. Я видел, как он покинул вокзал. Некоторое время стоял у склада, потом снова вынырнул и пошел по набережной. Как вы велели, Глеб Илларионович, наблюдение после этого я за ним прекратил. Хоть и жаль мне его было выпускать из виду.

— Правильно сделал, — сказал Якубовский. — Он мог бы обнаружить слежку, и все наши усилия пропали бы даром. Я был уверен, что Володя не подкачает. Все у тебя?

— Нет, кое-что еще добавлю, — продолжал Устюжаев. — Стал я слоняться по привокзальной площади — дожидался Володю, чтобы удостовериться, что все у него закончилось благополучно. И представьте себе, в районе Смоленской площади заметил этого самого офицера. Дошли мы вместе с ним до Серебряного переулка. Здесь он юркнул во двор номер девять...

— А двор не проходной? — спросил Якубовский.

— Не знаю, — насторожился Устюжаев. — Я об этом подумал, да решил проверку отложить на следующий раз.

— Что ж, начали неплохо, — подвел итоги операции Якубовский. — Ключ к шифровке, к сожалеению, мы еще не выбрали. Но у меня сложилось мнение, что мы имеем дело с организацией новой, о которой нам пока ничего не известно. Чем заниматься дальше? Тебе, Володя, терпеливо ждать гостя. Рано или поздно кто-нибудь из членов организации даст о себе знать. Тебе, Василий Никитич, нужно заняться этим делом по Серебряному переулку. Нужно выяснить, проживает ли там этот Пестров. Фамилия, вероятно, вымышленная. Своей фамн-

лии при первой встрече заговорщик не назовет... А ты, Устюжаев, держи под наблюдением Нарышкинскую больницу.

3

Поставив ногу на камень, Корабельников делал вид, что зашнуровывает ботинок. Поглядел, догоняет ли его Устюжаев. Квартиру Якубовского он покинул первым, но обещал Пашке дожидаться его. Им хотелось побыть вдвоем, поговорить по душам.

Вскоре Устюжаев догнал приятеля. Пошли вместе, будто случайные попутчики.

Устюжаев уважительно произнес:

— Ты молодец, Володя. Честное слово, я прямо восхищен тобою. Справился с задачей мастерски.

— Главное еще впереди, — отозвался Корабельников.

— Это так. Но первая встреча имеет решающее значение. Главное, что тебя приняли за своего. Теперь уже легче...

На площади на них обрушился сильный ливень. Ребята укрылись в ближайшей подворотне. Дождь лил щедро. Вспененные потоки с шумом устремлялись по обочинам булыжной мостовой.

Стуча железной оковкой костыля, неторопливо, точно дождь был ему нипочем, завернул в подворотню инвалид в промокшей насквозь шинели. Со смехом, держась за руки, вбежала в укрытие молодая парочка. На голове у девушки ухарски сидел картуз парня. Общительный инвалид, ни к кому в отдельности не обращаясь, скороговоркой изрек:

— Как весной дождь, так будет и рожь.

Но тему о будущем урожае никто не поддержал. Молодая парочка, забравшись в дальний уголок, шепталась о чем-то. Корабельников и Устюжаев, задумавшись, смотрели на водяные потоки. Дождь, начавшийся внезапно, так же внезапно и прекратился. Укрывшиеся от непогоды люди стали расходиться. Не обращая внимания на лужи, друзья тоже двинулись дальше.

Превозмогая неловкость, Устюжаев вдруг спросил:

— А эта Катя Коржавина ничего? Стоящая девушка?

Володя повернулся к нему, удивленный тем, что приятель тоже сейчас думает о Кате. Последние дни, занятый подготовкой к заданию, Володя почти не вспоминал о Кате.

— Катя удивительная девушка, — сказал он серьезно.

Ему случалось разговаривать о многих вещах. О любви тоже. Но раньше на эту тему говорилось легко. Говорил, не задумываясь и не очень придавая своим словам большого значения. А теперь каждое слово о Кате вдруг стало очень важным. Ему казалось, что никем еще не пережито то, что переживал он, и никто не испытывал такой нежности к девушке, какую испытывал он к ней.

...Они познакомились вьюжной февральской ночью. Он возвращался к себе на Пречистенку после дежурства в Московском комитете партии. На улицах было нелюдимо и мрачно. Дома стояли без огней, с заиндеветыми окнами и закрытыми подъездами.

Где-то в районе Арбата постреливали. В этом не было ничего удивительного. Перестрелки возникали часто по ночам то в одном, то в другом месте. Иногда даже завязывались короткие сражения патрулей с бандитами.

Корабельников, шагая по ночной Москве, особого страха не испытывал. В свои восемнадцать лет он уже успел побывать в жарких переделках. Засунув руки в карманы пальто и поеживаясь от резкого ветра, он преодолевал сугроб за сугробом. Внезапно из-за угла дома вынырнула женская фигурка. Незнакомка с опаской оглядела улицу и торопливо зашагала дальше. Идя следом, Корабельников пытался понять, что побудило ее выйти из дому в такую глухую пору. Редко кто отваживался на это.

Где-то поблизости бухнул ружейный выстрел, второй, третий. Девушка замерла, пугливо озираясь. С минуту она нерешительно топталась на месте и даже было повернула назад, но, преодолевая боязнь, двинулась дальше. Затем она бросилась бежать, но вдруг поскользнулась и упала.

Корабельников подбежал к ней, протянул руку, чтобы помочь подняться. Она испуганно вскрикнула.

— Не бойтесь, я не грабитель, — торопливо произнес Володя.

Она сразу же успокоилась и поверила.

В слабом свете он рассмотрел ее лицо. Это была совсем еще молодая девушка. Она огряхнулась от снега, и они вместе пошли вперед. Ей нужно в аптеку, объяснила девушка, у матери сердечный приступ, и срочно нужна кислородная подушка.

Дошли до аптеки. Дожидаясь попутчицы, Володя в легком своем пальтишке и сбитых сапогах страшно замерз. Дух захватывало от лютого ветра, ресницы отяжелели от инея. Почему-то он не решился зайти вместе с ней в помещение и стал дожидаться ее на улице, на морозе.

Девушка, правда, сделала попытку отказаться от провожатого, но очень слабую. Видимо, ей было страшно одной пускаться в обратный путь.

Катя Коржавина, так девушка назвала себя, рассказала, что она учится в седьмом классе женской гимназии и живет с матерью. Отец был военным инженером. В начале января он умер.

У двухэтажного ветхого домика с мансардой они простились, условившись встретиться снова. Потом было еще несколько свиданий. И всегда, когда они бродили по кривым Арбатским переулкам, Володей овладевало чувство старшего брата, опекающего младшую сестренку...

Володя рассказал приятелю и о неожиданной встрече у Нарышкинской больницы и о букетике фиалок, купленном у памятника Гоголю. Некоторое время друзья шли молча. От мостовой, стен домов, листья, омытых ливнем, веяло прохладой. Тучи рассеялись, в небе ярче засветились звезды.

Пашка выслушал рассказ внешне равнодушно. Но на самом деле его одолевали сомнения. Он опасался, что эта внезапная любовь может сбить парня с толку, наделать беды. Неподходящее сейчас время, чтобы волочиться за девицами. Конечно, не так уж было бы все страшно, если бы он увлекся девушкой своей. Такой, которая могла бы стать верным то-

варищем в это суровое время. А кто эта Катя Коржавина — изнеженная гимназистка, кисейная, должно быть, барышня, маменькина дочка? А вдобавок ко всему — братец белогвардейский связной. Неподходящая компания для революционера-чекиста...

Но Устюжаев молчал, сдерживая себя, он понимал, что сейчас, когда Володе нужно быть предельно собранным, о Кате Коржавиной лучше не упоминать. Придется с ним поговорить начистоту позже...

И все же, чтобы в какой-то мере предостеречь друга, напомнить о необходимости быть осторожным, Павел желчно произнес:

— Черт принес этого лицеиста.

Володя сразу догадался, что Пашка осуждает его увлечение. Он вспыхнул и с необыкновенной горячностью возразил:

— Катя к его похождениям никакого отношения не имеет. Она просто по-человечески его пожалела. Близкий родственник, сирота, больной. Разве можно ее за это осуждать?

Неподалеку от дома, где сейчас жил Володя, они простились. Устюжаев повернул на набережную и зашагал на далекую Чудовку. А Корабельников проскользнул во двор, поднялся на второй этаж и постучал в дверь.

Глава третья

Митя Ягал-Плещеев очнулся от забытья на рассвете. Солнце еще не встало, но в чисто выбеленной просторной палате было совсем светло. На железных кроватях спали больные. В окно была видна густая зелень лип. Это напомнило Мите усадьбу, пору далекого детства. Он вздохнул, закрыл глаза и опять заснул крепким, здоровым сном.

— Кризис миновал, пульс нормальный. Выкарабкался парень...

Эти слова Митя услышал как бы издалека и проснулся окончательно. Возле постели на табурете сидел толстый доктор в халате и пухлой рукой щупал у Мити пульс. Рядом с ним стояла медицинская сестра.

— А-а, проснулся, — весело сказал доктор, встретив Митин взгляд. — Доброе утро. Как чувствуешь себя? Оживаешь? Теперь дело пойдет на поправку.

Он встал, собираясь двинуться дальше, но Митя спросил слабым голосом:

— Доктор, что у меня было?

— Сыпной тиф, дружок. Самая модная сейчас болезнь. Но ты молод и вынослив. Самое опасное для тебя уже позади. Поправишься быстро...

— Доктор, я страшно голоден.

Толстяк засмеялся.

— Ничего удивительного, организм отошал. Да придется, милый, немного потерпеть. Сразу на пищу набрасываться нельзя, вредно.

— Дайте кусочек хлеба. Хоть корочку, ради бога!

— Хлеба — боже упаси. Да ты не хнычь, потерпи. Начнем с манной каши, а там и до хлеба доберемся. Лангзам, как говорят немцы. А по-нашему, медленно, понемногу. Вот так, мой дорогой. Не тужи, все идет к лучшему в этом лучшем из миров.

Врач ушел, на ходу что-то сказав следовавшей за ним медицинской сестре. Та кивнула головой и, обернувшись, дала понять Мите, что скоро принесет ему поесть.

Лучи солнца играли на графине с водой. Фрамуги на окнах были откинuty, и оттуда вливался чистый воздух. Доносился шелест листвы, голоса птиц.

Митя не спускал глаз с двери, нетерпеливо ждал появления обещанной еды. Он был так голоден, что ни о чем другом, кроме еды, и думать не мог.

— Ну, хлопец, видать, крепкий у тебя заступник на небесах. А я-то думал, что сыграешь ты в ящик. Три дня без памяти на кровати валялся.

Это произнес больной с соседней койки. Он лежал на боку, подперев коротко стриженную голову кост-

лявой ладонью. На иссохшем, прозрачном, заросшем щетиной лице его пронзительно чернели ястребиные глаза. Расстегнутый ворот больничной рубахи открывал острые ключицы и впалую грудь.

— У вас тоже был тиф? — спросил Митя.

— Как же, тиф, — ответил сосед. — Чуть душу богу не отдал. Слабый был и до болезни, а от голода совсем отошал. А видишь, выжил. Доктор, Валентин Иванович, спасибо ему, выходил. Жизнь спас. Много народу от тифа помирает сейчас. Как со здоровьем лучше станет, на фронт подамся...

Здоровье Мити стало поправляться. Со зверским аппетитом поглощал он все, что ему приносили. И все ему было мало, кланчил, как ребенок, добавки. Желания ограничивались только этим. И думы тоже. Но прошло два-три дня, и он вспомнил о том, почему он в Москве. В памяти встали картины пережитого. С мельчайшими подробностями вспомнился переход через линию фронта, потом долгое блуждание по торфяному болоту, которому, казалось, не будет конца. Ямы, пни, туман, торопливый бег вспугнутого с лежки кабана... Только к рассвету добрался он тогда до деревни. В первой же крестьянской избе, куда он попросился на ночлег, его сытно накормили, высушили одежду, дали еды на дорогу.

С ордой мешочников, осаждавших товарный эшелон, прорвался он в теплушку. На какой-то узловой станции пересаживался в другой состав, идущий на Москву. Ему уже тогда нездоровилось. Голова отяжелела, во рту пересохло, тошнило, но неотступная мысль не покидала его; нужно достичь цели и по паролю передать зашитый в подкладку пакет.

И он добрался до Москвы. Вместе с другими мешочниками вывалился он из вагона на давно не подметавшийся перрон Курского вокзала. Долго, едва держась на ногах, стоял он на месте, соображая, как ему добраться до Брянского вокзала. Поискал глазами местечко, куда бы ему залезть, свалиться и забыться сном. Но, пересилив себя, шатаясь, он тронулся в путь.

Дальше провал в памяти. Как ни напрягал память, никак не мог вспомнить, что же с ним было потом. Дошел ли до Брянского вокзала или не дошел? Изредка в голове почему-то всплывал образ кузины, Кати Коржавиной. Какое она могла иметь отношение к его блужданиям? Причуды болезни, должно быть. Она вспоминалась просто потому, что это был единственный близкий ему человек во всей Москве.

Его охватила тоска, по спине прошел холодок. Если встреча на Брянском вокзале не состоялась, значит поручение, которое ему дали в штабе белой армии, он не выполнил, не оправдал возложенных на него надежд. Он подвел командование. Какой позор! Какой ужас!

Потом в голову пришла новая мысль. Если свидания на вокзале не было, то пакет, который он взял, остался при нем и по-прежнему хранится в специальном тайнике.

— Нянюшка! — отчаянно позвал он санитарку.

— Что, родненький? — торопливо засеменила к нему санитарка. — Ты что? Подать что нужно?

— Нянюшка, а где моя одежда?

— О господи, а я испугалась, — облегченно

вздыхнула санитарка и поправила седые волосы, выбившиеся из-под косынки. — Чего ты, милый, так всполошился?

— Я про одежду спрашиваю. Про свои личные вещи.

— Слышу, чай, не оглохла. Одежду твою на хранение сдали. Вычистили, продезинфицировали в камере и сдали на склад. Как выздоровеешь, выпишешься из больницы — сразу и получишь. Ты не сомневайся, все будет в целости и сохранности.

— Да, да! Я знаю. Я прошу вас, нянюшка, мою одежду принести сюда. Мне нужно, непременно нужно там кое-что посмотреть.

— Одежду больным выдавать не разрешается, — недовольно проговорила нянюшка. — А что у тебя в одежде-то? Деньги? Так ты об них не беспокойся. Твоих денег не возьмут. У нас народ честный. Чужого никто не тронет...

Митя с трудом взял себя в руки. Нельзя было себя выдавать. Надо воздействовать на старушку жалостью, и он, умоляюще протянув к ней руки, проговорил:

— Нянюшка, ну, прошу вас. Что вам стоит? Сделайте это для меня. Я вам все потом объясню. Мне это важно. Поглядеть хочу...

Няня колебалась, но юноша так жалобно и трогательно упрашивал, что она уступила:

— Ладно уж, так и быть. Для тебя постараюсь одежду принести.

Няня ушла. Отсутствовала она долго, целую вечность. По крайней мере так ему показалось. Наконец с узелком в руках она встала в дверях.

— Вот твоё барахлишко, — сказала она. — Еле-еле у кладовщика выпросила.

— Большое вам спасибо!

Сосед, дядя Степа, как все его называли, крепко спал, накрывшись с головой. Другие больные не обращали на Митю никакого внимания. Волнуясь, лицеист развязал узел и ощупал левый борт куртки. Подкладка возле рукава была распорота, потайной карман — пуст...

У него оборвалось сердце. Трясущимися руками он еще раз тщательно обследовал и правый и левый борт в надежде, что пакет обнаружится в каком-нибудь другом месте. Но нет, из шва торчали только обрывки ниток. Пакет исчез.

Несколько минут Митя сидел ошеломленный, точно кто-то крепко стукнул его по темени. Медленно стал собираться с мыслями.

Взвесив все обстоятельства, он пришел к выводу, что пакет исчез недавно, по всей видимости в больнице. Только здесь он расстался с курткой, разделся в первый раз. В дороге ни днем, ни ночью одежды он не снимал... И вдруг его ужаснула мысль, что пакет каким-то образом попал к чекистам. Его охватил ледяной озноб.

Он представил себе, как его арестовывают, судят, приговаривают к расстрелу. Живо увидел себя стоящим у кирпичной стены под дулами наведенных на него винтовок. Слышал отрывистую команду: «Пли!», гулкий залп. Сердце неистово трепыхалось, дыхание перехватило. Изнемогая от страшных видений, Митя закрыл глаза. Неужели все кончено? Неужели нет выхода? Что делать?

«Бежать, — блеснула спасительная мысль. — Сейчас, немедленно, пока не поздно».

Но как ни велико было нетерпение, он сообразил, что надо дожидаться темноты. Спрятав одежду под одеялом, Митя притворился спящим.

Санитарка, должно быть, забыла про узел, не потребовала его обратно. Митя без сна лежал до ночи. Весенним сумеркам, казалось, не будет конца. Но вот совсем стемнело. Больные затихли, погасла единственная лампа в коридоре. Пора. Лежа в постели, Митя оделся, накинул на плечи халат и встал. Пол качнулся под ногами, как на волне. Голова закружилась, но Митя все же справился со слабостью. На ватных, подгибающихся ногах, держась за спинки кроватей, он двинулся к двери.

Дежурная спала, положив голову на согнутый локоть. Косынка сбилась набок, и красный крест темнел на виске. Слышалось ее ровное дыхание.

На улице идти стало легче. Отчаяние и страх, гнавшие его, будто придали ему силы. Пустыми переулками Митя добрался до знакомого дома.

Дверь отворила Катя. Узнав Митю, она всплеснула руками. Задышавшись, он с трудом произнес:

— Катя, извини. Но мне некуда... пойми.

И в изнеможении чуть не свалился у порога. Катя подхватила его и провела в комнату. Здесь он лежал, отдыхал на диване и без утайки рассказывал о пережитом. Тетя, Анна Николаевна, послушав немного, ушла к себе, вздыхая и сжимая пальцами виски. Она очень берегла свое здоровье и старалась избегать всяких переживаний. Катя, бледная и потрясенная, сидела не шевелясь.

— Всех захваченных в Кремле офицеров и юнкеров, — говорил Митя слабым, задыхающимся голосом, — красногвардейцы обезоружили ипустили. С нас только взяли честное слово больше не поднимать оружие против Советской власти. Мы рассеялись по городу. Много было среди нас таких, что решили продолжать бороться с большевиками, не щадя жизни. Сговорившись, группами и в одиночку стали пробиваться на юг, в донские станицы. Там уже полыхала гражданская война...

Добрались и мы до Ростова, вступили в Добровольческую армию. Красные нас теснили. Ростов пришлось оставить. Двинулись к Екатеринодару. Это был страшный поход. Дрались отчаянно. Отступать было некуда. В станицах для устрашения смертным боем били всех, кто сочувствовал большевикам. Оголят спину, положат на землю — и шомполами, шомполами... Коммунистов, конечно, шлепали...

Лицеист закрыл глаза, по лицу его прошла судорога. С мрачной усмешкой, глядя куда-то перед собой, он сказал:

— В станице Кореневской среди пленных красноармейцев захватили и комиссара. Ему предназначили особую казнь. Врыли столб на площади. Комиссара привязали к этому столбу. Обвили вокруг головы веревку, сквозь веревку продели кол и стали крутить его, стискивая веревкой голову...

Катя вздрогнула, вся съежилась, что-то подкатило к горлу — не продохнешь. Бледные губы едва слышно выдохнули:

— Ужас!

— Крутили не спеша, — безжалостно продолжал

Митя свой рассказ. — Комиссар пытался вырваться, да не тут-то было. Кое-кто крутил неумело, отворотя лицо, а другие с азартом, все больше разъярясь. Мучили долго... Тяжело умирал, бедняга...

Это невыносимо было слышать, и Катя была почти близка к обмороку. Непонятно, как мог Митя, добрый, воспитанный, мечтающий о путешествиях, смотреть на все эти пытки. А может, не только смотреть...

Лежа на спине, мертвенно-бледный, с опущенными веками, Митя был страшен, похож на покойника. Время от времени у него нервно подергивались губы.

— Жил в каком-то наваждении, — продолжал он. — Все были злы, как голодные волки. Жажда мести не утихала даже во сне, бредили массовыми порками, расстрелами. Страшно, страшно! Ох, как я обрадовался, когда мне предложили поехать в Москву курьером. Думал, хоть день-два отдохну от всей этой злобы, крови, стрельбы. Жаль, что в дороге заболел тифом. Попал в больницу. Как там оказался — не помню...

— С вокзала ты пришел к нам.

— К вам! Зачем?

— Не знаю. Ты был уже больной, бредил. Я вызвала врача. Он поставил диагноз — тиф. За тобой приехала карета и отвезла в Нарышкинскую больницу.

Митя с удивлением уставился на нее. Значит, тогда он сам забрел к Коржавиным. Случайно, подсознательно, уже плохо контролируя свои действия. Его вел инстинкт самосохранения. Почувствовал, что до Брянского вокзала ему не добраться, и завернул

к родственникам. Может быть, Кате что-нибудь известно и о шифровке. Сказал, напряженно следя за ее лицом:

— Со мной был секретный пакет, который я должен был передать одному человеку. Этот пакет у меня пропал, кто-то его у меня вытащил.

В памяти Кати вдруг всплыл разговор с Володей Корабельниковым в то утро, когда она встретила с ним у ворот больницы. Она рассказала ему о кузне, о таинственных словах, произнесенных в бреду. Что-то говорило ей, что между этим разговором и пропажей секретного письма существовала какая-то связь. Эта мысль в первый момент вызвала у нее такое сильное смутение, что забилось сердце. Против Володи она ничего не имела. Ничего бесчестного он сделать не мог. Володя поступал так, как подсказывали ему его убеждения. Но собственный поступок показался ей ужасным. Она выдала брата. Не потому, что посчитала необходимым так поступить. Невольно, неосознанно... Но разве это может ее оправдать?

Да, все, что говорил ей Володя о новой жизни, о революции, находило в ней сочувственный отклик. Но все равно она никогда бы не согласилась стать доносчицей. Слезы стыда и боли выступили у нее на глазах.

— Если этот документ попал к чекистам, я погиб, — произнес Митя. Непритворное отчаяние звучало в его словах.

Катя мягко произнесла:

— А если тебе явиться с повинной? Во всем признаться...

— Нет! Нет! — бескровное лицо Мити перекосилось от охватившего его страха. — Нет, ни за что! Меня там расстреляют. Я убегу, схоронюсь. Мне бы только немного окрепнуть. Дня два-три мне надо где-нибудь переждать. Ты мне поможешь, Катя? Без тебя я погибну. Знаешь, мы зайдем в наш лицей. Там у швейцара Анисима Хрисанфовича можно будет узнать, кто из моих соучеников в Москве. Ты меня не выгонишь, Катя? Ты мне поможешь спастись?

Глава четвертая

Валясь на диване, Корабельников почитывал пухлый расстрепанный томик Хаггарда. У квартирной хозяйки была довольно большая библиотека. Три огромных шкафа сверху донизу были заставлены книгами. Впереди — парадно, как гвардейцы, выстроились на полках тома Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, огромные фолианты исторических сочинений. На задворках шкафов, точно бедные родственники, ютились книжки затрепанные, с оборванными корешками. Отсюда, порывшись, Володя уносил к себе какой-нибудь приключенческий роман. Но странно, даже произведения прославленных мастеров этого жанра — Буссенара, Хаггарда, Стивенсона не захватывали его. Замысловатые выдумки о кораблекрушениях в тропических морях, о поисках сокровищ, о жарких схватках с голыми дикарями на неведомых атоллах остав-

ляли его равнодушным. Слишком далеки были все эти истории от того, что до краев переполняло его душу. Действительность была фантастичней и реальней любой выдумки.

— Митенька, к вам гость, — постучавшись, сказала квартирная хозяйка Мария Лазаревна.

Корабельников отшвырнул книжку. Наконец-то! Начинается... Наверное, это кто-нибудь из тех, кого он так напряженно ждал, тратя драгоценное время на чтение приключенческих книг. Володя вскочил на ноги и распахнул дверь.

На пороге стоял Мещерский, держа фуражку в руке. Корабельников радушно его пригласил:

— Заходите, очень рад вас видеть. Очень рад...

Войдя, Мещерский брезгливо оглядел убогую обстановку комнаты, потом подошел к окну, осторожно отодвинул занавеску и выглянул во двор. Осмотром, видимо, остался доволен и, уже успокоенный, подошел к дивану и разлегся там, положив пыльные сапоги на валик.

— Ну, как проводите время? — спросил он Володю, лениво позевывая.

— Затворником, — искренне пожаловался Корабельников. — Тоска смертная. И совестно без дела валяться в такую горячую пору.

— Странно, странно, — не слушая его и думая о чем-то своем, проговорил Мещерский. — Неужели нервы у меня начали пошаливать?

— Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, все в порядке...

Он курил и стряхивал пепел на старый паркет. Между двумя затяжками вполголоса запел:

Раз в ночных, ночных потьмах —
Шах, шах —
Шел с монахишей монах —
шах, шах...

И, не допев, замолчал. Внезапно спустил ноги с валика и сел. Что-то не давало ему покоя, что-то его мучило. Угрюмо уставившись в пол, он в тяжелом раздумье произнес:

— Да, это тот самый. Голову даю на отсечение...

— О чем это вы?

Мещерский многозначительно усмехнулся.

— Такое, понимаете, Митенька, странное совпадение. Сегодня два раза мне на глаза попался один и тот же человек.

— Просто на улице?

— В том-то и дело, что не просто на улице. Один раз, когда выходил из дому, второй раз, когда завернул на Большую Никитскую. Хотел навестить старого однополчанина... Что-то я в тот миг почувствовал. Изменил маршрут. Кружил по городу, желая обнаружить слежку. Но больше он мне на глаза не попался.

— Неужели вы могли запомнить физиономию случайного прохожего?

— Ну, что же тут особенного. У того, кто ведет двойную жизнь, все чувства обострены до крайности. На нервах живем. Интуиция, дорогой мой, штука не простая. Почему я почувствовал что-то странное в этом прохожем, объяснить не берусь. Но что-то мне в нем бросилось в глаза, задержало внимание. И нервные центры послали сигнал: будь осторожен! Это вроде предчувствия. Я в приметы не верю, а в пред-

чувствия — да. Не все предчувствия оправдываются. Это верно. Но я к ним прислушиваюсь. Вот так-с!

— Интуиция нас часто подводит, — сказал Корабельников. — Она у человека несовершенна. Кто слепо доверяет ей, тот гибнет.

— Послушайте, — с иронией произнес Мещерский. — Какие мы, оказывается, философы. Дорогой мой, в восемнадцать лет я тоже изрекал разные ошеломляющие истины. Ну, вроде того, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, что волков бояться — в лес не ходить и так далее! А повстречавшись со смертью с глазу на глаз, еще кое-что усвоил. Смерть — штука коварная, она играет с тобой, как кошка с мышью. Чтобы прежде времени не отправиться к праотцам, надо чертовски быть осторожным, ловчить, петлять, как выражаются охотники... Ну, да ладно. Может, я ошибся и за мной следовал московский обыватель, а не чекист. Ну-ка, а что скажет мне мой талисман?

Он вытащил из кармана потертый бумажник, раскрыл его, достал небольшую золотую вещицу и подбросил ее вверх.

— Bravo! Выпала счастливая сторона. Живем, не тужим!

— Что это у вас? — спросил Корабельников, с любопытством посмотрев на ладонь офицера.

— Серьга, — ответил Мещерский. — Сашкина слеза.

— Сашкина? Кто это?

— Царица наша. Ее подарок... Каждый новый офицер, вступающий в конвой, получал от царицы подарок. Популярности искала в гвардии... Деньги

дарила и расписывалась на кредитках. Немало сто-рублевок получил в свое время из ее августейших рук. И на каждой кредитке от края и до края крупная надпись: «Александра». Хранил долго, а в семнадцатом году загнал одному французу. Александра, Алиса... Вору и конокраду Гришке Распутину руку целовала!..

Он махнул рукой, скрипнул зубами и зло выругался:

— Принесло ее на наше несчастье в Россию!

Помолчали. Мещерский посмотрел на часы, прислушался. Встал, чуть приоткрыл дверь. Спросил негромко:

— А старушенция где? Что-то ее совсем не слышно.

— Ушла из дому. На кладбище, там у нее сын похоронен.

— И дверью не хлопнула?

— Тихая старушка...

Мещерский возвратился к дивану, удобно расположился, сладко зевнул и сказал томным голосом, не глядя на Володю:

— Поставьте-ка, дружок, на подоконник, поближе к правой стене какой-нибудь заметный предмет. Ну, хотя бы вон ту хрустальную вазу, что стоит на буфете. С вами, Митя, желает встретиться один человек. Эта ваза будет ему знаком, что можно заходить. Правила конспирации... Береженого, как говорится, бог бережет.

Вскоре тот, кому был подан условный сигнал, постучал в дверь. Это был пожилой человек с пухлым лицом, русой бородкой и темными смышленными гла-

зами. На нем был френч из грубого сукна и солдатские сапоги. Подполковник Улыбышев — так представился вошедший — служил в советском учреждении и носил форму, принятую командным составом Красной Армии.

Здороваясь, Улыбышев благосклонно улыбнулся, но взглянул на Володю достаточно зорко и внимательно. Руку пожал крепко и без лишних слов приступил к делу. Вопросы, которые он задал Корабельникову, изобличали в нём человека, хорошо разбирающегося в обстановке.

Отвечал Володя кратко, но точно. Знал он о белом движении на юге достаточно много, особенно помогали ему беседы с арестованным корнетом.

...Весной 1918 года положение Добровольческой армии на юге страны было отчаянным. Дон и Кубань, где действовала армия контрреволюции, со всех сторон были окружены красными. Белые офицеры, юнкера и кадеты отступали за Дон, в степи. Офицерские подразделения дрались отчаянно. В конце марта во время боев под Екатеринодаром разорвавшимся снарядом был убит главнокомандующий белой армии Лавр Корнилов. Командование над отступающими частями принял опытный царский генерал Деникин.

Добровольческая армия стала расти и крепнуть. К белогвардейцам примкнуло богатое казачество, из Петрограда, Москвы, со всей России под знамена Деникина стало стекаться белое офицерство. А в мае месяце Добровольческая армия уже готовилась перейти в решительное наступление против красных частей...

Все то, о чем Корабельников рассказывал, очевид-

но, не расходилось со сведениями, которыми располагало руководство монархической организации. И это укрепило доверие к молодому связному.

— Да, — произнес Улыбышев в раздумье, — к концу мая надо ждать великих событий. Красная армия тоже готовится к решительным боям. Реввоенсовет республики снял Главкома Северной группы Закавказской армии Автомова. На его место назначен латыш Калнин.

Мещерский нетерпеливо пожал плечами.

— Спасти Россию могут только германские дивизии. На них вся надежда. С большевиками было бы покончено в два счета. Скорей бы только фельдмаршал Эйхгорн двинул свои войска на Москву. Что немцы медлят, не понимаю. Или им достаточно только одной Украины? Глупо!

Корабельников полагал, что ему особенно не стоит вмешиваться в разговор на политические темы. О чем можно говорить с людьми, ослепленными ненавистью к народу, к России. И не об отечестве они пекутся, а о своих потерянных поместьях. Но на последние слова поручика решил отозваться. Он знал, что не все белогвардейцы ориентируются на немцев. Часть офицерства была преисполнена ненависти к немцам, жаждала продолжения войны с Германией. Он сказал:

— Но ведь немцы даром не помогут. Пол-России возьмут за свою помощь.

— И что же, — зло вскинул подбородок Мещерский. — Пусть берут. Лучше пол-России потерять, чем всему государству погибать. Выхода нет! Как вы думаете, господа?

Улыбышев снисходительно усмехнулся и сказал, точно взвешивая каждое слово:

— С германским императором найти общий язык мы сумеем. Несомненно, он будет заинтересован в том, чтобы в России была восстановлена самодержавная власть в лице законной династии Романовых.

Улыбышев исподлобья метнул взгляд на юношу, желая, очевидно, определить, какое впечатление произвели его слова. Лицо Володи выражало почти-тельное внимание. Улыбышев продолжал:

— Монархи договаряются. Об этом не нам с вами заботиться. А Россия останется за Романовыми. Невзгоды перетерпит и, даст бог, опять наберет прежнюю силу. Русь грабили, опустошали не один раз. Москву сжигали, а она опять из пепла, как птица феникс, поднималась. Главное же — избавиться от большевистского ига. Раз и навсегда отбить у черни охоту к революциям. Надо ее так запугать, чтобы и далекие потомки боязливо вздрагивали при слове «революция». Бунтовщиков надлежит стереть с лица земли огнем и мечом...

Подполковник побагровел, жилы на тощей шее вздулись, глаза загорелись иступленной злобой. И совсем нетрудно было представить его карателем. Вероятно, таким он и был в действительности, способным на какое угодно преступление.

Улыбышев вытер платком вспотевший лоб, пену в уголках губ, куцая бородка его еще некоторое время нервно дергалась. Затем он окончательно успокоился, снова принял свой благовоспитанный, учтивый вид. Уже прощаясь, спросил Володю:

— Вы вооружены?

Корабельников повел головой в сторону Мещерского и ответил:

— Наган у меня взяли при первой встрече.

Улыбышев коротко хохотнул и приказал Мещерскому:

— Верните оружие.

Это Володя расценил как знак доверия со стороны руководства белогвардейской организации. Наконец-то испытательный срок кончился, его приняли в организацию. Кончился период вынужденного безделья и скуки. Что-то теперь ему поручат, дадут пароль, укажут явки...

— Скучаете, вероятно, изрядно? — как бы угадывая, спросил Улыбышев.

— О, конечно!

— Потерпите еще немного.

«Ничего не попишешь, — подумал Володя, оставшись в комнате один, — ждать так ждать». Начиналось то необычное в его чекистской жизни, чего он так долго ждал... Многое теперь зависело от его выдержки, хладнокровия, прозорливости. Один неверный шаг — и все сорвется... Могут, конечно, разоблачить и убить. Но нет, легко это им не удастся.

Володя ласково потрогал наган, с ним он чувствовал себя спокойней.

2

На другой день, так же внезапно и таинственно, как и в первый раз, Мещерский снова появился в квартире на Большой Полянке. Корабельникову он сказал кратко, деловито и доверчиво, как сообщнику:

— Сейчас вместе с вами, Митя, мы отправимся к Канатчиковой даче. Там находится весьма ценный для России человек, великий князь Андрей Романов. Мы должны перевести его на новую конспиративную квартиру. Оттуда его переправят дальше. Вы пойдете рядом с ним и будете изображать из себя сына вашего спутника. Отец гуляет с сыном, это выглядит трогательно...

Зимой восемнадцатого года сумевший избежать ареста бывший великий князь Андрей Кириллович Романов установил связь с монархической контрреволюционной организацией «Орден мономаховцев». Заговорщики взялись вывезти царского родственника в безопасное место. Вначале, правда, его намеревались переправить на юг, к Корнилову. Белогвардейцы предполагали объявить его претендентом на царский трон. Но дела у корниловцев складывались неблагоприятно, и политический совет при штабе белогвардейцев на Дону предложил «Ордену мономаховцев» с этой затеей повременить. Эту-то шифровку и привез в Москву лицеист Митя Ягал-Плещеев.

Сам Андрей Романов ждать больше не хотел. Он настаивал на том, чтобы ему в ближайшее время помогли выбраться из Москвы. Он сильно трусил, этот претендент на русский престол. Романов мечтал скорее очутиться в безопасном месте, лучше всего за границей, где на его имя в швейцарском банке хранились заблаговременно помещенные миллионы. Кроме того, в мешке, с которым он никогда не расставался, Романов таскал за собой бриллиантовые и жемчужные драгоценности русской короны.

— Ну что ж, я готов,— бодро отозвался Корабельников и щелкнул каблуками.

Мещерский подошел к окну, осторожно выглянул наружу, опытным взглядом окинул двор и закоулки. Осмотром остался доволен. Сказал, направляясь к выходу:

— Выходить будем поодиночке. Встретимся на углу у церкви.

После его ухода Корабельников молниеносно написал записку и спрятал ее в условленном месте.

Как и было договорено, встретились у церквушки.

— Вот и кончилось, Митя, ваше затворничество,— сказал Мещерский с улыбкой. — Рады?

— Еще бы. Вам даже трудно себе представить, как нудно тянулось время.

— Да, я понимаю... А стреляете вы метко?

— Как будто неплохо,— ответил Корабельников. — На стрельбище всегда получал «отлично»...

— Превосходно. Это я спросил на тот случай, если нам придется вступить в перестрелку. К оружию будем прибегать только в крайнем случае, когда что-нибудь будет угрожать нашему подопечному.

Они шагали по пустынным улицам. Прохожие встречались редко. На мосту через Москву-реку шедший навстречу старик с окладистой бородой удивленно остановился, поглядел, затем припустился их догонять, крича вслед:

— Эгей, сынок! Молодой человек, погодите! Одну минутку!

Корабельников и Мещерский настороженно остановились, переглянулись. Мещерский спросил:

— Кто это такой? Вы его знаете?

Старик приблизился, стащил с головы форменную фуражку и заговорил, обращаясь к Корабельникову:

— Как хорошо, что встретил вас. Вы меня не узнаете?

Конечно, Корабельников узнал швейцара лица и напряженно соображал, зачем старик остановил его на улице и что хочет ему сообщить.

— Как же не узнал. Рад вас видеть, Анисим Хри-санфович, — спокойно поздоровался Корабельников и, полуобернувшись к Мещерскому, сообщил ему: — Это швейцар нашего лица.

Мещерский отошел шага на два и остановился, делая вид, что не слушает их, как и подобает воспитанному человеку, но уши наострил.

— Новость для вас имею, — тяжело переводя дух, — сказал Кандыба. — Приехал ведь...

Хотя он и торопился сообщить новости, но говорил с трудом. Старик запыхался и никак не смог справиться с удущьем.

У Корабельникова даже дух захватило от страшной догадки. К старику в лицей каким-то образом забрел Митя Ягал-Плещеев! Немыслимо, невероятно, но, по-видимому, так. Каким-то образом ему удалось раньше времени покинуть больницу. Ничем иным нельзя объяснить поведение швейцара... Во время первого знакомства в лицее он, Володя, говорил со стариком только о Мите Ягал-Плещееве. Никем другим Володя больше не интересовался.

Во что бы то ни стало нужно помешать швейцару произнести эту фамилию!

Он шагнул вперед, схватил старика за плечи и радостно воскликнул:

— Дядя приехал! Боже мой, как я рад. Новость вы мне сообщили потрясающую. Спасибо вам!

Сбитый с толку этими словами, Кандыба онемел. Корабельников повел глазами в сторону Мещерского, давая понять швейцару, что нужно опасаться этого человека, при нем ничего не следует говорить.

— Да, обрадовали, — продолжал восторгаться Корабельников. — Значит, дядя возвратился в Москву и зашел в лицей, чтобы справиться обо мне?

Старик, сообразив, что от него требуется, закивал головой:

— Именно так. Точно. Дядя о вас справлялся...

— А своего адреса он вам не оставил?

— Никак нет. Очень спешил.

— Это ничего, я его разыщу. Еще раз вам большое, пребольшое спасибо. Мы с дядей в ближайшие дни вас навестим и отблагодарим. До свидания.

— Счастливо оставаться.

Молодые люди продолжали свой путь. Мещерский похлопал Корабельникова по плечу.

— Поздравляю с приятной новостью. Давно не виделись с дядей?

— Больше пяти лет. Он путешественник, последняя его экспедиция — Тибет.

Мещерский слушал со вниманием, но Корабельников постарался рассказ о своем дяде сократить до минимума. Нужно было соблюдать меру, не перебарщивать. Рассказывая, он искоса наблюдал за своим спутником, верит ли он этой истории.

Мещерский был в приподнятом настроении, шутил, просил на память от дяди-путешественника какой-нибудь тибетский сувенирчик. Незаметно добрались до

Канатчиковой дачи, известной в Москве психиатрической больницы.

Кирпичная, утыканная торчащими, как пики, короткими заостренными прутьями стена окружала больницу. В некоторых местах стена была разобрана, и проломы ее обвивала колючая проволока. Сами больничные корпуса прятались в глубине обширного парка, над вековыми липами которых кружились вороны стаи. Справа и слева от чугунных ворот тянулись одноэтажные и двухэтажные деревянные домишки, сараи, дворики, подсобные помещения.

Из раскрытых дверей часовенки, держа фуражку в руке, вышел Улыбышев, поджидавший своих сообщников. Он еле заметно кивнул головою и прошел в ворота. Мещерский и Корабельников, держась на расстоянии, последовали за ним.

Было сумрачно, пахло сыростью, как в таежной чаще. Неподалеку от дорожки на пне сидел человек в больничном халате. Обхватив колено руками, он пристально глядел в одну точку и не шелохнулся, хотя офицеры прошли от него на довольно близком расстоянии. Другой человек, едва волоча ноги, куда-то брел, не разбирая пути. Голову он держал все время опущенной, взгляд блуждал по земле. Казалось, он ищет грибы или ягоды.

Мещерский вполголоса обронил:

— Счастливы, ничто их не касается. Живут в мире грез. Среди них встречаются «Наполеоны», «Бисмарки», «Иваны Грозные», «Ротшильды»...

В просвете между деревьями показался главный корпус больницы. Это было громоздкое, похожее на казарму здание, выкрашенное в желтый цвет. Кое-

где окна были забраны решетками. На широких ступеньках, прясь на солнце, сидели больные.

Улыбышев повернул к флигелю, стоявшему на отшибе. Через маленькую боковую дверь он вошел внутрь. Мещерский и Корабельников остались в молодой дубовой рощице.

Прошло с полчаса. Из той же боковой двери флигеля вышли трое: Улыбышев, лысоватый блондин в белом халате, очевидно доктор, и высокий грузный человек в солдатской шинели с вещевым мешком за плечами. Это и был Андрей Романов.

Глава пятая

— Да, кажется, упустил белогвардейца, — с досадой произнес Баженов.

Якубовский рассеянно улыбнулся.

— А почему ты думаешь, Никитич, что человек, которого ты потерял из виду, и есть тот самый Петров?

— Убежден, что не ошибся.

А произошло с Баженовым вот что.

...Получив задание от Якубовского, Баженов отправился на Арбат. Двор по Серебряному переулку, о котором говорил Устюжаев, оказался проходным. В отделении милиции Баженов просмотрел домовые книги по этому дому. Петров в них не значился. То ли он вовсе не был прописан, то ли числился под другой фамилией.

Первая неудача не обескуражила Баженова. Он настойчиво продолжал поиски. Внимательно изучив списки жильцов этого большого дома, Баженов отобрал для себя

с десятков фамилий из «бывших»: дворян, купцов, чиновников высокого ранга. Он намеревался их тщательно проверить, установить, нет ли среди этих лиц человека, похожего на Петрова. Не исключено, что Петров или лицо, назвавшее себя Петровым, нелегально проживает в чьей-нибудь квартире.

Найти благовидный предлог для посещения этих квартир было бы нетрудно. Но, зрело рассудив, взвесив все доводы «за» и «против», Баженов отверг этот план. Он нашел другой способ.

В первый день ничего существенного выяснить ему не удалось. Второй день прошел так же, как и первый. На третий день усердных, но безуспешных поисков Баженов задумчиво шел по Плотникову переулку. Прохожих было мало. И вдруг неподалеку от перекрестка ему встретился стройный молодой человек в драповом пальто нараспашку. Баженов скользнул взглядом по смуглому лицу прохожего, по его фигуре. Какие-то характерные признаки изобличали в нем военного: выправка, походка, выражение лица. Однако в этом не было ничего удивительного — в Москве в то время проживало несколько десятков тысяч бывших офицеров, — но что-то в человеке привлекло внимание Баженова, в чем-то он был схож с тем, о ком говорили товарищи.

Прохожий тоже бросил быстрый взгляд на чекиста, но шага не задержал. И не оглянулся. Завернул за угол и пропал. «Приду сюда завтра», — решил про себя Баженов. Уверенность в том, что где-то здесь, в этих кривых переулках, нашел себе пристанище Петров, не покидала Баженова весь остаток дня.

И снова, часа через полтора, Баженов лицом к ли-

ну столкнулся с молодым человеком в драповом пальто. Взглянул на этот раз внимательней и решил проследить за незнакомцем. Он неторопливо прошел еще несколько шагов, затем повернул и стал переходить улицу. В этот момент на Большой Никитской показалась небольшая группа арестованных с конвоем из трех милиционеров.

Внезапно один из арестованных стремительно прыгнул в сторону, быстро побежал и юркнул в ближайшую подворотню.

— Стой, стрелять буду! — неистово закричал милиционер, судорожно пытаясь вытащить пистолет из кобуры. Другой милиционер выстрелил в воздух.

Арестованные сначала шарахнулись, потом испуганно сбились в кучку. Пистолетные выстрелы огласили воздух. Толкаясь, наскакивая друг на друга, случайные прохожие кинулись врассыпную. И во время этой суматохи, поднявшейся на улице, Баженов потерял из виду Мещерского.

— Чистая случайность помешала мне выяснить, где проживает этот Петров, — сокрушался Баженов.

— Да, случайности бывают приятные и неприятные, дорогой Василий Никитич, — улыбнулся Якубовский. — Диалектика жизни, так сказать...

И, желая, очевидно, покончить с этим вопросом, Якубовский в раздумье произнес:

— Досадно, что у Володи дело застопорилось. Заговорщики, по-видимому, все еще проверяют его, прощупывают...

— Осторожнее стали, скрытней.

— Да вот и с шифровкой бьюсь, бьюсь — и ни с места. Придется, по-видимому, варягов звать.

— Кого?

— Есть у меня товарищ по подполью, Одинец Андрей Андреевич, вместе ссылку отбывали в Якутии. Одареннейший человек, энциклопедически образованный, светлая голова... В 1907 году за антиправительственную деятельность был схвачен жандармами, осужден, посажен в арестантский вагон и отправлен в края отдаленнейшие. А там, конечно, наукой заниматься негде. Много читал, мастерски играл в шахматы, шутя решал самые головоломные задачи. Очень рвался на волю, да бежать ему было трудно — здоровьем не вышел. Освободился только в семнадцатом году... Сейчас в комиссариате иностранных дел работает, у Чичерина. Владеет несколькими иностранными языками, память имеет чудесную. Видимся мы с ним редко, у Чичерина тоже, как и у нас, много работают и мало спят... Думаю его попросить разобратся в шифровке.

— Какой же это варяг, — усмехнулся Баженов. — Свой человек.

Пришел Устюжаев. Был он чем-то сильно расстроен, нервничал. Едва поздоровавшись, взволнованно сообщил:

— Лицеист Дмитрий Ягал-Плещеев из Нарышкинской больницы исчез.

Якубовский, обычно невозмутимо выслушивающий самые сенсационные сообщения сотрудников, только глаза сощурил. Сухо спросил:

— Как это исчез?

— Ушел из больницы.

— Когда?

— Вчера ночью.

— Сам ушел либо с чьей-то помощью? Удалось что-нибудь выяснить?

— Неизвестно. Медицинская сестра утверждает, что ничего не видела. По-видимому, спала. А доктор, дежуривший ночью, только руками разводит. Вообще-то он шляпа и вряд ли содействовал побегу. Порядочки в этой больнице, я бы сказал...

— Что еще?

— Больного никто из посторонних не навещал. В палату, где лежат тифозные, никого не пускают. Ягал-Плещеев всего дня два тому назад пришел в себя после болезни.

— Как же он мог самостоятельно уйти? — усомнился Баженов. — Тиф же страшно изматывает, это всем известно. Больной после кризиса дней десять на ногах стоять не может, шатается, как ребенок. Тут что-то не так...

— Нет правил без исключения, — сказал Якубовский. — При большом напряжении мог пойти и сразу же после кризиса. Потащился изо всех сил. Что-то его гнало... Это можно допустить.

Якубовский говорил ровным, спокойным голосом, но Устюжаев чувствовал, что человек, которого он любит, сильно огорчен, расстроен, но старается это скрыть. Устюжаев сказал, глядя в пол:

— Моя вина. Не доглядел.

Якубовский заерзал на стуле, недовольно сказал:

— Ну, в этом мы после разберемся. Сейчас важно решить, как нам действовать.

Неожиданное бегство белогвардейского связного очень осложняло положение Володи Корабельникова. В любой момент его могли разоблачить. Если, конеч-

но, беглец успел установить связь с заговорщиками. Если же лицеист бежал из больницы сам, без чьей-либо помощи, то вряд ли он сумел так быстро установить контакт со своими. А если ему помогали?

— Василий Никитич, — сказал Якубовский, повернувшись к Баженову, — немедленно связывайся с Володей. Сообщишь ему последние новости. Ему следует держаться крайне осторожно. И вообще будь к нему поближе, в случае чего придешь на помощь.

Баженов сразу же ушел. Якубовский задумался. Устюжаев тоже молчал. Тишина казалась невыносимой. Пашка испытывал жгучий стыд и боль. Если бы можно было исправить свой промах! Какой угодно ценой, даже ценой жизни...

Якубовский поднял голову, долго смотрел на удрученного Устюжаева. Затем просто и деловито сказал:

— Все может обернуться к лучшему. Давай подумаем, что предпринять, как помешать Ягал-Плещееву попасть к заговорщикам. Что ты скажешь на это?

Устюжаев встрепнулся, с надеждой сказал:

— Далеко от больницы Ягал-Плещеев уйти не мог. Даже если кто ему и помог. Где-то в районе Пречистенки он и нашел прибежище. Думается, нам следует поискать в квартире Коржавиных. Они его близкие родственники и живут по соседству с Нарышкинской больницей. Как вы полагаете?

— С обыском у Коржавиных повременим. Но наблюдение за квартирой установим обязательно. Этим, Паша, займись незамедлительно.

После ухода Устюжаева Якубовский позвонил в Комиссариат иностранных дел и договорился

с Одинцом о белогвардейской шифровке. И хотя телефонный разговор был совсем кратким, он взволновал Якубовского. Вспомнилась пора молодости. Она была трудной, скитальческой, тюремной. А они, одухотворенные высокими стремлениями, шли по жизни с гордо поднятой головой. Их, большевиков, связывало кровное братство...

До встречи оставалось чуть меньше часа. Якубовский заказал пропуск для старого товарища и вышел немного пройтись, освежить уставшую голову. У Кытайгородской стены, у широкого прилавка книжного развала, Якубовский остановился. Хозяин, сухонький, проворный старичок в кургузом выцветшем пиджаке, стоял на стремянке и выравнивал книжный ряд на самой верхней полке. Завидев покупателя, он спустился вниз.

— Жаль, что намерднн ко мне не наведались, — бойкой скороговоркой затараторил букинист. — Была очень редкая книжица, да выхватил ее прямо из-под рук профессор Кукушкин, Иннокентий Николаевич. Может, знаете? Известнейший книголюб...

Говорил букинист без умолку, хитро поблескивая узкими татарскими глазками. Несмотря на свой неказистый вид, старичок Щетинин был оборотистым торговцем, знатоком книг.

Специально за старинными книгами Якубовский не охотился, но питал к ним слабость и время от времени приобретал что-нибудь редкостное, если цена не превышала его денежных возможностей. Сейчас среди книг он нашел и перелистал тонюсенькую брошюрку, на обложке которой значилось: «Стихотворения Александра Дьякова. Издание автора».

Стихи оказались слабенькими, подражательными и беспомощными. Но среди затертых, неуклюжих стишков попадались и свои, выстраданные строки:

И я хочу — хоть расшибиться,
Хочу узнать я наперед,
О чем поется каждой птице
И в чем призвание мое.

Букинист, покосившись на книжечку, с усмешкой произнес:

— А-а, Дьяков, поэт-самоучка, приказчиком служил у Глебовых, в галантерейном магазине на Мясницкой. Издал на свои трудовые копейки книжечку да и разнес по ларькам. Спроса на них нет, не берут. Стишки не ко времени, да и поэзии маловато...

— А человек, мне кажется, не без способностей. Старый он, молодой?

— Как вам сказать? Годами-то, должно быть, не очень стар, да уже седой, дряхлый, помятый.

— Пьет?

— Не без того. Жизнь тягостная: ни денег, ни признания.

Якубовский прочел еще два-три стихотворения. Все же чем-то они привлекли его, неясно и сбивчиво ощущалось в них трепетание человеческого чувства. К миру поэтов Якубовский никакого отношения не имел, знакомства ни с кем из них не вел, но судьба неизвестного Александра Дьякова, издавшего на свои скудные деньги поэтический сборничек, его заинтересовала. Захотелось как-то поддержать человека, ободрить. Засмутившись, он сказал букинисту:

— Узнайте, пожалуйста, для меня адрес автора. Интересно мне с ним познакомиться...

Глава шестая

Великий князь Андрей Романов, сопровождаемый телохранителями, благополучно пересек город и добрался до новой конспиративной квартиры. Она находилась на Большой Молчановке в доме 23.

Отлучиться для того, чтобы связаться со своими, Корабельникову так и не удалось. Улыбывшись запретил выходить на улицу. Сказал, что он сам, Мещерский и Митя будут всю ночь дежурить по очереди. Утром их сменят другие члены организации. Представителя царской фамилии нельзя оставлять без охраны ни на час.

Корабельников подчинился. Да и другого выхода не было. Если бы он без спроса покинул конспиративную квартиру, то белогвардейцы, заподозрив неладное, снялись бы с места и рассеялись. «Не спеши, — твердил Володя себе, — не горячись». Сейчас, когда он проник в организацию, надо действовать четко и осмотрительно.

План, который выработал Улыбышев, состоял в следующем. Романов и группа выделенных для обеспечения его безопасности офицеров-монаховцев, должна была пробраться на Украину под видом солдат, возвращавшихся с фронта. Фальшивые паспорта были уже заготовлены на всех. Маршрут пролегал по Брянщине, где «Орден монаховцев» в разных местах по пути следования к границе имел несколько явок. Через Украину, оккупированную кайзеровскими дивизиями, планировалось пробраться в Румынию и дальше — в Швейцарию.

Уже немало офицеров из Москвы орден переправил на Украину и на Дон, в белые войска. Высокоградного Романова руководитель организации подполковник Улыбышев имел намерение сопровождать лично. В этом он видел для себя и немалые выгоды. Но, как человек осторожный и дальновидный, хотел заручиться санкцией штаба организации, есверхушки...

Наступило утро. Корабельников, всю ночь не сомкнувший глаз, делал вид, что читает книгу. Неподалеку от него на кресле-качалке в своей излюбленной позе полулежал Мещерский и, перебирая струны гитары, чуть слышно напевал:

Отойди, не гляди,
Скройся с глаз ты моих;
Сердце поет в груди —
Нет у сил никаких.

Время от времени кто-нибудь из них подходил к окну и выглядывал на улицу: все ли там спокойно. В другой комнате, в гостиной, — квартира принад-

лежала балерине Большого театра Приятновой — сидело человек шесть заговорщиков. Хозяйка занимала Романова великосветской болтовней. Гость вяло поддерживал разговор, лицо его ничего не выражало, видно, ему было не по себе. Вещевой мешок с драгоценностями лежал у его ног.

— Слухи о том, что царя перевели из Тобольска в Екатеринбург, подтверждаются, — с горестным вздохом произнесла балерина. — Вместе с семьей. Господи, что будет с Россией!

— Да, — безучастно отозвался Романов. — Это что, хуже для него или лучше? Как вы думаете, что бы это значило?

Поручик императорской гвардии Мика Шеффер предавался воспоминаниям. Картавя, захлебываясь, он рассказывал Улыбышеву о какой-то умопомрачительной попойке на царской охоте:

— Коньяк, скажу я вам! Три глотка, и с каблуков долой. Клянусь честью!

Улыбышев слушал вполуха. Он тоже нервничал. Достав карманные часы, подполковник щелкнул крышкой и недоуменно произнес:

— Что это с Севским? Всегда был точен...

— Явится, — беспечно сказал Шеффер, горя желанием продолжить повествование о царском кутеже. — Какие-нибудь домашние неурядицы. На чем, бишь, я остановился?..

Прошло еще минуты три. Улыбышев старался сохранить спокойствие, но теперь его все настораживало: шаги случайного прохожего, ребячий возглас, чей-то свист. В опоздании Севского крылось что-то неладное. Недослушав Шеффера и не извинившись перед ним,

Улыбышев встал, подошел к Романову и, почтительно склонившись, шепнул ему на ухо, что пора уходить.

Романов с неожиданной для его комплекции живостью вскочил с места, засуетился:

— Да, да. Идемте.

— Вас проводят до Дорогомиловской заставы. Я туда скоро приду...

По знаку Улыбышева подошел низкорослый черноволосый мономаховец со скуластым лицом. Улыбышев тотчас же приказал ему отвести Романова к Дорогомиловской заставе и там дожидаться его, Улыбышева. Офицер кивнул головой. Романов и черноволосый офицер, ни с кем не простившись, поспешно удалились.

Все недоуменно переглянулись. Шеффер спросил:

— Что все это значит?

Улыбышев собрался сказать, что в целях конспирации всем нужно расходиться, как вдруг послышались три условных стука в дверь. Хозяйка пошла открывать. Донесся знакомый голос штабс-капитана Севского, члена штаба ордена.

Севский вошел быстро. Он был бледен, русые пряди волос рассыпались по лбу. Его обступили со всех сторон. Он перевел дух и с усилием произнес:

— Нас предали, господа! В нашу организацию проник чекистский разведчик. Тот, кого мы принимали за связного Добровольческой армии, подставное лицо. Настоящий связной, лиценст Дмитрий Ягал-Плещеев, находится сейчас у меня в доме...

— Как?!

— А вот так, — со злорадством ощерился Севский. — Узнал чисто случайно. На рассвете ко мне явилась Катя Коржавина, дочь моего покойного со-

служивца, военного инженера. Я эту девушку хорошо знаю. Она попросила приютить на двое-трое суток Дмитрия Ягал-Плещеева...

Шеффер, выхватив пистолет, молча ринулся к дверям комнаты, в которой находился мнимый связной. Но его приковал к месту повелительный окрик Улыбышева:

— Вы с ума сошли! Спрячьте оружие.

И молодой чекист и Мещерский, находившиеся на дежурстве в угловой комнате, услышали, что кто-то пришел, взволнованный шепот. Оба встали. Переглянулись. Володя сделал было шаг по направлению к двери, но его удержал Мещерский, давая знать, что ему следует оставаться на посту, продолжать наблюдение. Мещерский отворил дверь и вышел в гостиную.

Корабельников остался один. Прислушался. По обрывкам фраз понял, что произошло. Что же делать? Это нужно решать без промедления. Ворваться в гостиную и потребовать сложить оружие? Да их, мономаховцев, в гостиной человек шесть. Все вооружены, все отлично стреляют. Страху он не испытывал, мог смело ринуться в бой. Но удержался, сообразив, что цель достигнута не будет: уцелевшие мономаховцы разбегутся, операция провалится.

Нет, надо выиграть время. Может быть, товарищи знают, где он сейчас находится, и с минуты на минуту нагрянут сюда. И Володя Корабельников, держа зажатый в руке наган, но не вынимая его из кармана, переступил порог гостиной.

Мономаховцы оторопело уставились на него. Никто не шелохнулся. Все были взбешены до крайности, как-жётся, вот-вот сорвутся, сомнут, растопчут. Сам удив-

ляясь тому, что голос его звучит так спокойно и уверенно, Корабельников произнес:

— Господа, я случайно услышал ваш разговор. Вам сказали, что я самозванец. Это ложь! Никакой двоюродной сестры у меня нет. Это какая-то странная выдумка или провокация...

Севский и Шеффер нервно дернулись, как перед прыжком. Корабельников предостерег:

— Не взумайте на меня набрасываться. Я буду обороняться, наган при мне. Я не хочу быть зарезанным как ягненок. Стрельба привлечет сюда чекистов... А я прошу настоящего суда чести. Нужно разобраться и выяснить, кто же является Лжедмитрием.

Улыбышев опешил. На минуту он усомнился в том, что перед ним чекистский разведчик. Человек, сохранивший способность шутить в такую опасную минуту, должен был чувствовать свою правоту.

— Мы готовы вас выслушать, — отрывисто произнес он.

Корабельников взорвался:

— Но где, где доказательства того, что я не тот, за кого себя выдаю? Я хочу выслушать обвинителя!..

Обернувшись к Севскому, Улыбышев приказал:

— Расскажите, что вам известно. И пожалуйста, покороче.

— Катя Коржавина, — начал Севский, — чистосердечно мне рассказала, что ее кузен Дмитрий Ягал-Плещеев служил в Добровольческой армии и приехал в Москву с каким-то заданием. По дороге заразился тифом, и она устроила его в Нарышкинской больнице. Из больницы лицейст, когда миновал кризис, бежал. Опять заявился к своим родичам. Но Катя Коржавина

у себя его оставить не могла, так как опасалась обыска. Я дал согласие, и через час Катя привела этого несчастного юношу ко мне домой. Во время первой же беседы со мной лицеист подтвердил рассказ Кати, сообщил, кто он такой, зачем приехал в Москву, рассказал о задании...

— Странная и довольно подозрительная история, — презрительно пожал плечами Корабельников. — Какие у вас доказательства, что молодой человек, которого вам подсунули, не является чекистским разведчиком? А если перед ним поставили цель проникнуть в офицерскую организацию? Воспользовались услугами гимназистки...

— Я знаю Катю Коржавину, — резко перебил его Севский. — Благороднейшее существо, дочь инженера, дворянка.

— Довольно наивные рассуждения, — с сарказмом промолвил Корабельников. — Всем нам, господа, я думаю, известно немало интеллигентных девушек, которые идут за большевиками. Вероятно, и ваша знакомая из их числа...

Мещерский, стоявший у пианино с папиросой в зубах, предложил:

— Нужно сделать очную ставку.

Мещерский верил и не верил тому, что говорил Корабельников. Это был вопрос престижа. Он не мог допустить мысли о том, что его, гвардейского офицера, мог так легко обвести вокруг пальца какой-то парень из Чека. Да и как-то не укладывалось в его голове представление о чекистах с этим молодым интеллигентным человеком. Ему хотелось верить своему новому знакомому...

Эти же соображения одолевали и Улыбышева. Он сказал:

— Пожалуй, это правильно. Но не здесь, конечно, устраивать очную ставку. Встречу следует организовать у вас, Севский.

Он говорил это с определенным умыслом. Севский служил начальником Измайловских артиллерийских складов. Там можно было бы устроить и суд и расправу над чекистским разведчиком. Надо только туда его заманить. Севский понял подполковника с полуслова и с готовностью согласился:

— Слушаюсь! Молодого человека, которого привела ко мне Катя Коржавина, я доставлю туда сейчас же.

Улыбышев обвел взглядом напряженные лица своих сообщников и задержался на Мещерском.

— А вы попытайтесь доставить туда же эту Катю Коржавину.

Севский и Мещерский вышли из гостиной. В комнате осталось четверо: чекист и трое офицеров. Корабельников видел, что хитрый Улыбышев не поверил ему и за очную ставку ухватился для проформы, рассчитывая перехитрить своего противника, заманить его в ловушку. Ждать дальше своих товарищей бесполезно. Очевидно, Якубовский не знает, где он сейчас находится. Пора действовать, а то будет поздно. Решать нужно сейчас...

Балерина с беспомощной и слащавой улыбкой произнесла, неизвестно к кому обращаясь:

— А мне можно удалиться?

Офицеры переглянулись. Они явно что-то замыслили.

«Нет, больше ждать нельзя», — подумал Корабельников и, выхватив наган, крикнул:

— Руки вверх! Вы арестованы!

Шеффер и второй офицер подняли руки. Балерина дико взвизгнула и в смятении заметалась по комнате. Воспользовавшись этим, Улыбышев коршуном метнулся к двери и с грохотом захлопнул ее за собой.

Открыв дверь, Катя Коржавина увидела незнакомого человека в потертом пальто. Это был Мещерский. Он учтиво приложил руку к головному убору и негромко, даже несколько таинственно произнес:

— Привет вам от кузена.

Катя насторожилась. Мещерский, заметив это, быстро ее успокоил, сказав, что от Игоря Антоновича Севского Митя перебрался к нему, в Измайлово, у него Мите будет безопасней.

— Митя очень хочет вас сейчас повидать, — сказал Мещерский.

— Большое спасибо, — ответила Катя и попросила гостя войти.

Мещерский уклонился, сказав, что подождет девушку в передней. Катя удивилась:

— Разве это так срочно?

— Желательно поскорее. Я обещал ему привезти вас тотчас же... Капризничает как маленький. Да это ему прости-тельно. Столько перенес!

— Хорошо, — сказала Катя. — Я только маму предупреджу.

Мещерский и Катя вышли на улицу и направились к трамвайной остановке. Катя ничего странного не нашла в том, что Севский посчитал необходимым так быстро переселить Митю. Очевидно, это нужно для Митиной безопасности.

...Трамвай тащился медленно по грязным и запущенным улочкам. Пассажиры сидели молча, погруженные в свои думы. Мещерский же был говорлив и развлекал попутчицу забавными историями.

На конечной остановке сошли с трамвая и углубились в Измайловский лес. Катя без колебаний следовала за своим провожатым, радовалась тому, что с Митей все так хорошо устроилось. В лесу он скорее окрепнет, поправится и сумеет уехать куда-нибудь в провинцию. И забудет все ужасы, все пережитое в белой армии.

Но что-то в поведении спутника по мере того, как они все дальше и дальше уходили от заставы, изменилось. В словах сквозила какая-то усмешка, взгляд становился все пытливей, острее. Катя внимательно взглянула на провожатого. Кто он? Что за человек? Наверное, тоже какой-нибудь «бывший»?

С еле скрываемой тревогой она спросила:

— Еще далеко?

— Да нет, уже близко. Сейчас покажутся артиллерийские склады, и мы у цели.

— Вы что же, живете на территории артиллерийского склада?

— Вроде того, — неопределенно отозвался Мещерский.

Беспокойство охватило девушку. Она с опаской посмотрела на потерявшего всю свою вежливость провожатого, не зная, что и подумать. Чувствовала, что надвигается что-то страшное. Сердце забилося. Катя остановилась и, запинаясь, виновато сказала:

— Извините меня, но лучше... лучше я вернусь домой. К Мите пойду в другой раз...

— Какие глупости! Мы почти у цели. Пошли.

— Нет, я передумала. Вы уж меня извините...

Она поклонилась и повернула назад. Мещерский грубо схватил ее за руку, стиснул так, что она закричала жалобным, срывающимся голосом:

— Как вы смеете!

На звук голосов из-за деревьев вышли двое. Это были офицеры, служившие, как и Севский, в Измайловских артиллерийских складах. Севский, примчавшийся сюда заранее, сумел предупредить их об опасности провала. Нужно было менять явки, пароли, а кое-кому и убираться как можно скорее из Москвы. Увидев Мещерского с девушкой, они остановились. Поручик Вадбольский недовольно проговорил:

— Нашли время амурничать. Неприятные новости...

— Знаю, — отрезал Мещерский. — Помогите мне лучше справиться с этой гадюкой. Ее надо допросить!

Катя побледнела, только теперь она поняла, какая опасность ей угрожает. Кричать, звать на помощь? Мещерский, будто угадав ее мысли, предупредил:

— Не вздумайте орать. Это бесполезно, кругом все равно никого нет. Если вы невиновны, мы вам ничего плохого не сделаем.

Катя рванулась изо всех сил, закричала:

— Помогите!

Мещерский точно клещами стиснул ей горло. А Вадбольский замахнулся на нее кулаком. И тут произошло нечто неожиданное. Утверждая, что кругом никого нет, Мещерский ошибался. Кроме трех офицеров, в этом уголке леса находился еще один человек. Павел Устюжаев!

...Получив от Якубовского задание, Устюжаев сразу же отправился к Арбату, разыскал Афанасьевский переулочек и медленно зашагал к четырнадцатому дому, размышляя о том, где лучше ему выбрать место для наблюдения. У дома Устюжаев обратил внимание на прохожего, который шел по противоположной стороне улицы. Чекист узнал в нем офицера, приходившего на свидание на Брянский вокзал и назвавшегося себя Петровым. Да, Павел был на верном пути...

Мещерский остановился как раз у дома номер четырнадцать. Прежде чем войти в парадное, огляделся. Проходивший мимо неказистый парень, на ходу затягивавший ремень, подозрения у него не возбудил. Он постучался к Коржавиным.

А вскоре офицер вышел из дому с девушкой, которая весьма походила на Катю Коржавину. Володя ее не раз описывал Устюжаеву.

Умело прячась, Устюжаев добрался с этой парочкой до Измайловского парка, вместе с ними вошел в лес. На одной из полянок офицер и его спутница остановились. Между ними произошел какой-то резкий разговор. Потом к ним присоединилось еще двое в солдатских шинелях. О таких людях говорят: «солдаты из офицеров».

Из своего укрытия Павлу хорошо было видно, как

один из мужчин схватил девушку за горло, а другой замахнулся на нее кулаком. Что происходит в этой группе? Стычка сообщников или расправа над честным человеком? Устюжаев еще не знал, что связывает Катю Коржавину с этими людьми, один из которых, несомненно, принадлежал к контрреволюционной организации.

Но не отозваться на крик о помощи Устюжаев не мог. В два прыжка он достиг полянки, поднял наган и громко приказал:

— Ни с места! Руки вверх!

Мономаховцы обернулись, подняли руки над головой. Что делать дальше? Обезоружить, но как? Их трое, а он один. Приказать сдать оружие? Опасно. Заставить повернуться спиной и самому обыскать их?

Но мономаховцы уже пришли в себя. Увидев, что против них действует всего один человек, они стали медленно отходить друг от друга. Первый, у кого сдали нервы, был Мещерский. Судорожно засуетившись и не попадая рукой в карман, где у него лежал пистолет, он крикнул сообщникам:

— Стреляйте! Стреляйте в него!

Все дальнейшее произошло в считанные секунды. Мономаховцы, выхватив револьверы, открыли пальбу. Стреляя, они разбежались в разные стороны. Устюжаев тоже выстрелил несколько раз.

...Услышав грозный окрик неизвестного парня, Катя вместе с другими бессознательно подчинилась. Ее враги разбежались, отступили за деревья, и девушка, оставшись одна, не разбирая дороги и путаясь в кустах, бросилась к опушке...

Кто-то из белогвардейцев, низко пригибаясь, пере-

менил место. Устюжаев выстрелил удачно. Бежавший ничком ткнулся в траву и затих. Кажется, одним врагом стало меньше. И в тот же миг ответная пуля настигла Павла. Нога у него подломилась, и он тяжело сел на землю.

Потревоженные выстрелами, надрывно кричали грачи, кружились над гнездами. Заволакивая небо, ползли темные тучи, в лесу стало сумрачно. На выстрелы, очевидно, никто не обратит внимания. В этом районе стрельба была не в диковинку. Затаив дыхание Устюжаев прислушался. Боль в ноге прошла, только горячая кровь неприятно струилась по бедру, щедро пропитывая одежду. Враги тоже притихли, выжидая, когда можно будет выстрелить наверняка.

Устюжаев приподнялся, ему показалось, что слева, метрах в тридцати от него, в кустах что-то шевельнулось, и он выстрелил. И тут же сам почувствовал, как пуля ударила в плечо. Подумал со злобой: «А ведь ухлопают, сволочи!» В глазах снова потемнело, к горлу подступила тошнота. Он жадно глотнул воздух, поборол слабость. И вдруг услышал топот шагов. Кто-то убегал. А может, просто хотел найти более удобную позицию. Устюжаев долго шарил взглядом по кустам, разглядывая каждый бугорок, пенек, выступ. И внезапно обнаружил противника.

Раненый Мещерский, опустив голову, сидел на земле, привалившись плечом к старой березе. Ничего не стоило сейчас его прикончить. Но Устюжаев медлил. Какое-то странное чувство шевельнулось в его душе, чувство жалости к человеку. Неприятно было стрелять в него, вот такого, корчившегося от боли. Нет, добивать раненого он не будет. К тому же нужно

кого-то из заговорщиков захватить живым. Устюжаев крикнул:

— Бросай оружие!

Мещерский поднял голову. Лицо его от боли и злобы передернулось. Он сделал усилие, медленно поднял пистолет, но застонал от боли, выронил оружие и повалился на бок. Он не собирался церемониться с раненым противником, это точно.

...Минуты текли медленно. Устюжаев подумал, что хорошо бы перевязать раны, иначе он изойдет кровью. Но сил не было, голова кружилась, кружилась небо с бледными, чуть проступившими звездами, кружились деревья с грачиными гнездами, казалось, кружится весь этот жестокий, беспощадный мир.

2

Пробежав одну за другой несколько полей, Катя остановилась. Погони не было. Стрельба прекратилась. Девушка оглянулась, соображая, в какую сторону ей идти. И внезапно мысли вернулись к недавним событиям. В памяти встала рослая фигура парня, выскочившего из-за кустов ей на выручку. Что сейчас с ним? Жив ли он, ранен? Нет, не выяснив, что случилось с человеком, который так благородно бросился ее спасать, она не уйдет. А вдруг действительно этот парень ранен и нуждается в помощи?..

Преодолевая страх, Катя повернула назад. Шла медленно, осторожно, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Наконец вот и знакомая поляна, на которой росли старые березы. На опушке, уткнувшись в траву, лежит человек в солдатской ши-

нели. Катя в ужасе отстранилась. Лежащий не двигался, он был мертв.

С трудом Катя сделала еще несколько шагов. От испуга отнимались ноги, и она шла, петляя между кустов. На повороте тропинки, впереди себя, она увидела еще одного человека. Это был тот самый парень, который спас ей жизнь. В неловкой позе он сидел под деревом, держа в руке наган. Лицо его было мертвенно-бледным.

— Не подходите, стрелять буду! — с трудом сказал Устюжаев, недобро глядя на девушку.

Остановившись, Катя жалобно ойкнула:

— Вы ранены?! Как вам помочь? Скажите...

На мгновение Устюжаев заколебался. Кажется, голос девушки звучал вполне искренне, и было бы глупо отказываться от ее помощи. Уже почти в забытьи Павел прошептал пересохшими губами:

— Позовите людей...

Катя огляделась, соображая, в какую сторону ей кинуться, чтобы скорее добраться до больницы или учреждения и вызвать карету «Скорой помощи», привести людей.

Парень застонал. Катя сорвалась с места и побежала. Она неслась с такой быстротой, на какую была только способна. На бегу споткнулась и угодила в глубокую яму. Вылезла, вся облепленная грязью. Побежала дальше. Сердце неистово колотилось, пот застилал глаза. С дорожки сбилась и бежала теперь напрямик, в том направлении, в котором, как ей казалось, находилась улица. Продралась через кустарник и увидела высокую каменную ограду. Спотыкаясь, падая, побежала вдоль этой глухой стены. Добралась,

наконец, до входных железных ворот. Забарабанила в дверь сторожевой будки.

Дверь распахнулась, и боец с винтовкой сердито крикнул с порога:

— Ты чего хулиганишь? Что надо?

Задышавшись от волнения, Катя взмолилась:

— Товарищ, помогите! Тут недалеко человека ранили. Ему помочь надо. Немедленно. Вызвать врача. Только скорее, пожалуйста. Позвоните в «Скорую помощь»...

Боец недоверчиво оглядел девушку. Вид у нее был страшный, растерзанный. Платье в грязи, голос охрипший, совсем девчонка не в себе. После некоторого раздумья он спросил:

— Сильно раненный?

— Да, очень. Звоните врачу, прошу вас. Дорога каждая минута. Ведь он может умереть там. Господи!

Она вдруг заплакала. Боец почесал затылок, помялся, вздохнул. Сказал сочувственно:

— Ладно, постой тут. Сейчас дежурного позову.

Вскоре дверь будки снова отворилась. Вышел прыщеватый человек в кожанке и с пистолетом в деревянной кобуре.

Катя и ему горячо повторила свою просьбу. Дежурный хмуро отозвался:

— Хорошо, сейчас пойдем за раненым. У нас свой санитарный пункт.

Вскоре небольшая команда тронулась в путь. Катя шла впереди как проводник. Блуждали недолго. Успокоившись, Катя сориентировалась и привела солдат на ту полянку, где лежал раненый парень, а сама, обессилев, опустилась на землю.

Устюжаев был в глубоком обмороке. Его уложили на носилки и понесли.

Катя могла бы хоть сейчас уйти домой. Все, что нужно было, она сделала. Раненому окажут медицинскую помощь. Но она, с жалостью глядя на покрытое мертвенной бледностью лицо парня, отправилась за носилками. Вместе с ними вошла в ворота. Тяжелые створки медленно закрылись за нею.

Когда проходили мимо каменного одноэтажного мика, из раскрытого окна кто-то крикнул:

— Касаткин, быстро ко мне!

— Слушаюсь, — отозвался человек в кожаной куртке и повернул к крыльцу.

Голос человека, отдавшего это приказание, показался Кате странно знакомым. Она оглянулась, но человек уже отошел от окна.

— Куда мы пришли? — спросила Катя, обращаясь к одному из солдат.

— Измайловские артиллерийские склады...

* * *

Прийдя на Большую Полянку, Баженов не застал Корабельникова. Но в условленном месте лежала записка, наспех набросанная Володей.

— Так вот где прятался царский родич, — проговорил Якубовский, прочитав записку.

— Ценности он не представляет, но упустить нам его нельзя.

— Никак нельзя, — согласился Баженов. — И, видимо, не с пустыми руками улепetyвает за границу этот Романов.

— Тоже верно. Неясно только, почему белогвардейцы решили перевести его на новую конспиративную квартиру. Чем им не подходила старая? Или ради безопасности они так часто меняют его местожительство? Да, кстати, сегодня мне передали из отдела письмо. Прислал его санитар той самой Канатчиковой больницы. И подпись есть: Хайбула. По-видимому, татарин. Он пишет, что у доктора Алферова бывают посетители, не похожие на больных, а скорее, пишет он, на «бывших», на «ваше благородие». Доктор Алферов...

Якубовский задумался.

— Нужно ехать в больницу. Познакомимся поближе с этим доктором, — сказал Баженов.

— Не рано ли? Может быть, стоит дожждаться вестей от Володи? Как бы нам раньше времени не спугнуть белогвардейцев.

— Познакомимся тихо-благородно. Надо же нам узнать, где сейчас Володя. Быть в курсе его дел и намерений...

— Да, это верно. Едем в больницу.

На стареньком скрипучем автомобильчике Якубовский и Баженов приехали на Канатчикову дачу.

Главный врач больницы познакомил их с доктором Алферовым и попросил провести посетителей по палатам. Осмотр начался с первого корпуса.

— В этой палате, — давал пояснения доктор Алферов, — содержатся безнадежные хроники. Старик, который так стремительно шагает из угла в угол, — паранойк, одержимый страхом преследования...

Обошли несколько палат. Алферов нервничал, пу-

тался, был явно не в своей тарелке. Когда шли по пустынному коридору, Якубовский, наклонившись к уху доктора, тихо спросил:

— А какой психической болезнью страдал Андрей Кириллович?

Доктор Алферов остановился как вкопанный. Лицо его обвисло, посерело. Он с трудом произнес, положив руку на сердце:

— Я не виноват...

На первом же допросе доктор Алферов признался во всем. Он рассказал, что у него при больнице около трех недель жил великий князь Андрей Романов. Приютил по просьбе подполковника Улыбышева, с которым его, Алферова, связывают узы юношеской дружбы. Они когда-то вместе учились в одной гимназии, даже в одном классе. Сегодня высокого гостя Улыбышев увел.

— Куда именно?

— Этого я не знаю.

— Где живет подполковник Улыбышев?

— На Покровке.

— Где именно?

— Точно не знаю. Я у него в гостях никогда не бывал.

— Но ведь он ваш друг?

— Да, это так. Но сейчас у нас слишком мало общих интересов. Подполковник Улыбышев — военный, а я, как видите, врач.

— И все же его просьбу, хотя она и незаконная, выполнили?

— Из соображений гуманности.

— А может, низкопоклонства?

— Допускаю и это. Все же великокняжеская фамилия... Ударило в глаза, затмение нашло. Сам я, уверяю вас, простого происхождения...

3

В девять часов утра нашелся Корабельников. Никогда Володя не видел Глеба Илларионовича таким довольным, как в момент встречи.

— Целый, невредимый, — радостно говорил Глеб Илларионович, крепко стискивая руку парню, — и двух крупных шук выудил, привел под конвоем. Ну, говори...

Выслушав рассказ Корабельникова о том, что произошло с ним на квартире у балерины, Якубовский распорядился:

— Этого Севского надо немедленно арестовать. Василий Никитич, действуй. Белогвардейцы встревожены и попытаются скрыться. Севского надо взять в первую очередь. Артиллерийские склады не такое место, где можно оставить хозяйничать врага хоть на одну минуту. А мы с Володией пустимся в погоню за беглецами. Надо перехватить их еще до границы.

Пожелав друг другу удачи, они расстались.

* * *

Бажену в помощь выделили красноармейцев из чекистского отряда. На автомашине он помчался в Измайлово.

В контрольно-пропускной будке часовой потребо-

вал от Баженова мандат. Баженов предъявил документы. Часовой вызвал караульного начальника. Это был Касаткин. Увидев мандат Чека, Касаткин побелел и стал что-то лепетать в свое оправдание.

Оставив на контрольно-пропускной будке трех красноармейцев с наказом никого не выпускать, Баженов с остальными бойцами быстро направился к канцелярии.

У складских и служебных построек был обшарпанный вид. В грязных стенах зияли трещины, крыши во многих местах провалились, рамы с выбитыми стеклами вкривь и вкось висели на петлях. На плацу где попало стояли поржавевшие полевые орудия, военные двуколки.

Постулавшись, Баженов вошел в кабинет начальника артиллерийского склада. Склонившись над ящиком письменного стола, Севский судорожно рылся в бумагах, видимо, что-то искал. При виде штатского человека с потертым портфелем он недовольно поморщился. Спросил неприязненно:

— В чем дело? Кто вас сюда пропустил?

Баженов не спеша подошел к столу, положил свой неказистый портфель и, берясь за пуговицу кармана френча, произнес:

— Инспектор Наркомпроса по делам искусств. Хочу предложить для бойцов охраны билеты в цирк...

— Какого черта! — наливаясь кровью, бешено крикнул Севский. — Не до билетов мне сейчас. Убирайтесь отсюда.

— Имею честь говорить с Севским Анатолием Ивановичем? — невозмутимо спросил Баженов, не обращая внимания на недружелюбный прием.

— Да, да! С Севским Анатолием Ивановичем, — совсем распалясь, заорал Севский. — Ну и что! Вам русским языком сказано: проваливайтесь!

Баженов отстегнул пуговицу кармана, извлек бумажку и, протянув ее Севскому, сказал:

— Вот ордер на арест. Я сотрудник Чека. Вы арестованы!

Севский покачнулся и схватился за кобуру. Но Баженов жестко произнес:

— Бросьте дурить. Все кончено!

Севский опустил в кресло и закрыл лицо руками. С минуту сидел неподвижно, потом встал и сказал:

— Ваша взяла. Ведите меня в Чека.

— Можете посидеть здесь, — сказал Баженов, опорожня ящик письменного стола, в котором до этого рылся мономашинец.

— Что это вы искали в ящике?

— Теперь это не имеет значения.

— Смотря для кого... Что же именно вам понадобилось?

— Мои бумаги из ящика вы забрали. А на допросе я дам показания.

— Кто из членов вашей организации сейчас находится на территории артиллерийского склада? Ответьте. Признание облегчит вашу участь.

Севский горько усмехнулся. Ноздри у него затрепетали, он проговорил не то злорадно, не то зловеще:

— Мои признания... Не успеете ими воспользоваться, уважаемый.

...Потом стало известно, что белогвардейцы подготавливали взрыв Измайловских артиллерийских скла-

дов. Эту акцию, они хотели приурочить к тому моменту, когда к Москве приблизятся немецкие или белогвардейские дивизии. Занимался подготовкой к взрыву Севский, сумевший устроиться начальником складов...

Покинув квартиру балерины, Севский помчался в Измайлово. Предупредив членов своей пятерки, он пустил часовой механизм. А перед самым бегством, обуреваемый мстительным чувством, Севский решил осуществить взрыв сейчас же. Он нисколько не сомневался в том, что чекистом является тот молодой парень, который сумел проникнуть на конспиративную квартиру к балерине Приятновой.

...Баженов внимательно посмотрел в глаза офицеру. Что-то в поведении этого заговорщика его насторожило. Он спросил:

— Что вы хотите? Организация ваша раскрыта, вы это и сами отлично знаете. Так что упорствовать, стараться что-то утаивать бесполезно. Лучше подумайте о том, чтобы облегчить свою участь, спасти жизнь.

Севский некоторое время молчал, на лбу у него выступил пот. Сказал глухо:

— Склады приготовлены к взрыву. Часовой механизм во втором пакгаузе. Там порох, снаряды...

Мономаховец говорил правду. Это почувствовал Баженов. И первая мысль, которая пришла ему на ум, была не об опасности, которой он сам сейчас подвергается, а о том, как предотвратить взрыв. Стараясь подавить охватившее его волнение, Баженов спросил:

— Сколько осталось до взрыва?

— Полчаса.

- Его еще можно предотвратить?
- Можно добежать...
- Тогда скорее — туда.

Они бегом добрались до второго пакгауза. Коридор казался бесконечным. В темном уголке, за грудой ящиков, стоял часовой механизм взрывной бомбы.

Севский, присев на корточки, принялся за работу. Руки у него тряслись, и наблюдавшему за ним Баженову казалось, что вот-вот сейчас эти холеные тонкие пальцы сделают одно неверное движение — и мина сработает. Но Севский разъединил провод. Тиканье прекратилось. Наступила тишина. Севский, обессиленный, опустился на пол, Баженов вытер платком вспотевший лоб, вздохнул полной грудью.

— Пойдемте, — сказал Баженов арестованному. — Одно доброе дело вы сделали. Это я засвидетельствую перед трибуналом...

Пошли к выходу. Когда поравнялись с санитарным пунктом, Севский сказал:

— Здесь раненый лежит... Должно быть, из ваших, из чекистов. А с ним Катя Коржавина.

Глава восьмая

Крепкие гривастые лошадки не спеша бежали по заснувшему проселку. Правил ими борода-тый мужичонка. Был он чем-то недоволен, хмур, на вопросы отвечал нехотя.

Якубовский, полулежавший на заднем сиденье повозки, под ладный стук копыт и скрип колес задремал. Корабельников, свесив ноги с грядки, рассеянно глядел перед собой. Все привлекало его внимание: поля, рощицы, даже дикий валун на пустом косогоре.

Прошло уже три дня, как чекисты покинули Москву, гоняясь за бежавшими мономаховцами. Но пока безуспешно. Осторожный Улыбышев со своей маленькой группой проби-рался к демаркационной линии между Россией и Украиной. Он хитрил, петлял, выбирал окольные тропы. Сейчас Яку-бовский ехал по направлению к глухой деревушке Ольховке, где предполагал перехватить Романова и сопровождавших его офицеров.

Лошади шли шагом. Долго тащились вдоль буерака, густо поросшего орешником. Временами колеи дороги, и так еле приметные, терялись в траве.

— Дед, а едем мы правильно? — спросил Корабельников. — Не плутаем?

Возница, будто не услышав вопроса, молчал. Ловким движением вожжей он сбил жирного овода с лошади. Потом потер заскорузлыми пальцами переносицу и недовольно хмыкнул.

— Что, дед, не отвечаешь? — спросил Корабельников, трогая старика за локоть. — Обиделся на меня?

— Чего даром зубы чесать, — буркнул старик. — Заблудился... Скажешь такое. Да я местность нашу вдоль и поперек исходил. Еще с малолетства. Версты через две будет Кудеяров овраг. А там уже до Ольховки пустяковина останется.

— Кудеяров овраг, это почему такое название? Чем этот Кудеяр прославился?

Старик слегка повернул свою лохматую голову в помятой теплой шапке и через плечо покосился на парня. Глаза его блеснули.

— Про Кудеяра-то не слыхивал? — непритворно удивился старик. — Эх ты, голова! Как же ты Кудеяра не знаешь? Знаменитый атаман — всем известно. Это теперь у нас глухомань. А раньше тут главный шлях проходил на Киев. Много бывало народу. Помещики, купцы, генералы. Однажды сама царица проезжала. Кудеяр со своими молодцами богатеев у этого оврага и подстерегал. Сидят в кустах и ждут добычи. Как услышит атаман звон поддужного колокольчика, свистнет разбойничьим посвистом, мол, приготовься, ребятушки, на веселое дело выходим, на разбой и по-

теху. А проезжий купец ли, генерал ли знай катит, беды не чуя. Вот карета или, к примеру, купеческая бричка подкатывает к оврагу. А он-то, овраг, глубокий, спуск крутой. Кучер, понятное дело, коней придерживает, чтобы, значит, потише в яругу спуститься, не опрокинуться, шею не сломать. А тут как раз из кустов и выходят ребяташки Кудеяра. Все бородатые, сермяжные свитки кушаками перехвачены, в руках острые топорики поблескивают...

Возница с таким вкусом проговорил про «острые топорики», что у Володи даже холодок прошел по спине. Он внимательно взглянул на старика. Да, старичок только с виду тихий и смирный. Весь хищно изогнулся, русая борода подрагивает, глаза удалью разгорелись. Видно, не хуже тех кудеяровых молодцов в свои годы на большой дороге пошаливал...

— И на царицу Кудеяр осмелился напасть? Ведь она, надо думать, с большой охраной ездила.

— Что ж охрана, — хитро зажмурился старик, — разогнали стражу... Нападающий завсегда яростней дерется. Необузданная сила. Царицу, стало быть, из кареты за руки вытащили вон. Карета не простая, а из чистого золота. Спрятали ее в потаенном логоу. Да... Вот как...

— Кого же, царицу или карету?

Старик на минуту умолк, выругался, сказал в сердцах:

— Ну тебя, дураля.

Якубовский проснулся и засмеялся. Засмеялся и Володя, несколько не обидевшись на старика. Он обернулся к Якубовскому и спросил:

— Слыхали, Глеб Илларионович, рассказ про ата-

мана разбойников? Что-то вроде Стеньки Разина Брянского уезда...

— А ты не смейся. Был такой Кудеяр, — сказал Якубовский. — Про него Некрасов упоминает в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Кстати, образ разбойника нарисован в сочувственных красках. Защитник народный... Но вот, кажется, мы к этому самому оврагу и подъезжаем.

Якубовский и Володя спрыгнули с повозки. Пошли рядом. Старик еще немного проехал вперед. Потом остановился, слез с облучка и стал взнуздывать коней перед спуском в глубокий овраг.

У края обрыва чекисты остановились, немного постояли молча. В лицо пахнуло сыростью. В огромной впадине с торчащими из нее вкривь и вкось старыми деревьями, с ее сумраком, буреломом, буйными зарослями волчьих ягод, крапивы, лопухов и мха было что-то первобытно-дикое и в то же время чарующее.

— В некотором царстве, в тридевятом государстве, — нараспев произнес Корабельников и финулся вниз по крутому скату, поминутно срываясь, хватаясь руками за ветви, скользя и расшвыривая слежавшиеся прошлогодние листья.

Внизу по каменистому ложу булькала светлая струя родничка. Присев на корточки, Володя с горстки напился. Подошел Якубовский. Тоже с удовольствием утолил жажду, оглядел сумрачный овраг, в раздумье сказал:

— В таком заповедном местечке вполне могли скрываться разбойники. Настоящие дебри дремучие...

Послышался треск валежника. Показался возница, осторожно ведущий лошадак под уздцы. Достигнув

дна оврага, старик, не задерживаясь, вскочил на облучок и подхлестнул лошадок. Те легко вынесли повозку наверх.

Вскоре выбрались из оврага и чекисты. Старик дожидался их наверху. Сиденья были приведены в порядок, сено аккуратно покрыто рядном. Чекисты уселись, и повозка покатила дальше.

После оврага опять потянулись холмистые поля, лощинки. Вдали, блестя на солнце, показалась колокольня Ольховской церквушки.

И вдруг издали ударил выстрел и покатился над косогорами. Потом хлестнул второй, третий... Старик натянул вожжи. Лошадки стали. Чекисты переглянулись. Что могла означать эта перестрелка? Кто ее затеял? Во всяком случае, медлить нельзя. Якубовский приказал вознице:

— Гони, дед, гони!

— Куда? Под пули?

— Что ж поделаешь. Уклоняться нам не с руки. Если боишься — слезай, сами поедem. За коней можешь не беспокоиться. Коней тебе вернем.

— Нет, коней я не отдам, — сказал старик. — Как же можно коней?..

Он привстал, поглубже нахлобучил шапку на лоб, залихватски гикнул и хлестнул кнутом. Лошади понеслись вскачь. Так, галопом, и проскакали версты две. Стрельба внезапно прекратилась. Лошадки перешли на шаг. Старик снял шапку, перекрестился и вытер рукавом мокрый потный лоб.

У околицы Ольховки однорукий, заросший щетиной мужик в засаленном австрийском мундире окликнул возницу и велел ему остановиться. Старик придержал

лошадей. Тотчас же из ближайших калиток и садов, перемахивая через плетни, повыскакивали вооруженные мужики.

— Кто такие? — спросил однорукий, подходя к повозке.

Якубовский назвал себя и показал удостоверение.

— Фу, черт, — засмеялся однорукий. — Маленькая промашка. Думал, опять к нам господа перебежчики пожаловали. У нас тут, докладываю вам, сражение разгорелось. Одного офицера наповал срезали, в хлеву пока лежит. Двоих под замок в клуню посадили. А один все же драпанул...

Однорукий — Иван Долгополов, оказавшийся бывшим солдатом, — рассказал, что вчера в деревню заявилось четверо неизвестных граждан. Попросились в одной избе на ночлег. Назвались солдатами, идущими домой, на Украину. Слух о странных гостях дошел до Долгополова. Немало офицеров в то время нелегально пробирались к гетману Скоропадскому. Видно, и эти были из таких...

Утром белогвардейцы собрались уходить. Их хотели задержать. Офицеры не подчинились, открыли стрельбу и пустились удирать к лесу. Завязалась перестрелка.

— Кому же удалось удрать? — спросил Якубовский. — Какой он из себя?

— Самый старший, с бородкой. А бежал шибко, как заяц. Ничего, далеко, однако, не уйдет. Снарядили за ним погоню...

Однорукий повел чекистов к арестованным, а потом в сарай, где лежал убитый. Володя узнал в нем подполковника Улыбышева.

Большинство членов контрреволюционной организации «Орден мономаховцев» удалось арестовать и обезвредить. Андрея Романова задержали у нейтральной полосы. Сопротивления он не оказал...

* * *

Через две недели выписали из больницы Устюжаева. Он еще хромал и ходил с палочкой. Но дома ему не сиделось, и он упросил Якубовского включить его в оперативную группу, которая должна была спешно заняться новым делом. Предстояла поездка в Рыбинск.

В последний день перед отъездом, когда сборы в дорогу уже были закончены, Володя Корабельников спросил своего друга:

— Пашка, сходим-ка на Арбат?

— В Афанасьевский переулок? Один стесняешься?

— Как тебе сказать? Просто Катя будет тебе чрезвычайно рада. У нее к тебе особое отношение, как к своему спасителю, к человеку гордому и бесстрашному...

Устюжаев смутился:

— Брось! Ну вот еще...

И молодые чекисты, шутливо переговариваясь, пошли к Арбату.

ДОРОГОЙ ДРУГ

Ты уже знаешь предыдущие книги нашей серии «Честь, отвага, мужество» 1967 года, это:

Л. Самойлов и М. Вирт, «Игра с тенью»;

Л. Константинов, «Охота на Горlinkу»;

Г. Свиридов, «Последний раунд»;

Г. Кулаков, «Дневник комиссара»;

Л. Овалов, «Оперативная карта»;

А. Дугинец, «Наказ Вацлава Гудбы».

Напиши, понравились ли они тебе.

Далее, мы просим тебя ответить на анкету серии «Честь, отвага, мужество». Это поможет редакции выбрать и подготовить для издания те книги, которые больше всего интересуют наших читателей и тебя в том числе. Свой ответ на анкету посылай по адресу:

Москва, А-30, Сущевская, 21, издательство «Молодая гвардия», серия «Честь, отвага, мужество».

Итак, мы просим ответить и написать нам:

1. Что более всего интересует тебя в произведении приключенческого жанра:

острый, динамичный сюжет;

образы героев книги;

ее познавательный материал?

2. Какие темы в книгах нашей серии тебя больше всего заинтересовали:

историко-революционные,

гражданская война,

Великая Отечественная война,

книги о работе нашей разведки и контрразведки,

книги о советской милиции,

приключенческие книги о людях сугубо мирных профессий?

3. Каких тем мы еще не коснулись в книгах нашей серии?

4. Что, по твоему мнению, может способствовать улучшению книг нашей серии, какие недостатки в них еще имеются?

5. Нравится ли тебе оформление наших книг?

6. Какие произведения нашей серии тебе понравились больше всего?

7. Укажи свой возраст, пол, профессию, образование.

Чачко Марк Ильич
КОНЕЦ БЕЛОГО ОРДЕНА. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1968.
112 с. (Честь. Отвага. Мужество)

Р2

Редактор *Г. Еремин*
Оформление художника *Н. Михайлова*
Рисунок на обложке *А. Катина*
Худож. редактор *Г. Позин*
Техн. редактор *Л. Курлыкова*

Сдано в набор 4/IV 1968 г. Подписано к печати 21/VI 1968 г. А04207. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 3,5 (усл. 4,9). Уч.-изд. л. 4. Тираж 100 000 экз. Цена 12 коп. Т. П. 1967 г., № 215. Заказ 746.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушчевская, 21.

12 коп.

Марк Ильич Чачко родился в 1906 году. Восемнадцатилетним юношей начал работать на прославленном революционными традициями киевском заводе «Арсенал». Здесь же вступал и в комсомол и в ряды Коммунистической партии. Долгое время редактировал заводскую многотиражку «Червонопрапорник».

Первые книги **М. Чачко** вышли в Москве еще в 30-е годы. Во время Великой Отечественной войны **М. Чачко**, будучи специальным корреспондентом армейской газеты, был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней и многими медалями.

После демобилизации из армии **М. Чачко** всецело посвятил себя творческой работе. Вышли в свет его повести: «Для нашей юности», «Николай Щорс», «Вечный поиск», сборники рассказов: «Люди моего завода», «Первый бастион», «На блуждающем острове» и ряд других произведений. В серии «Честь, отвага, мужество» печатается впервые.